

П О В Ъ С Т И

МОДНЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

I.

СОВРЕМЕННЫЯ
ПОВѢСТИ
МОДНЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

СОБРАНЫ, ПЕРЕВЕДЕНЫ И ИЗДАНЫ

Федоромъ Кони.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. СЕМЕНА.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ пѣмъ , чѣобы по оппечашаніи пред-
спавлены были въ Цензурный Комитетъ
при экземпляра. Москва , Сентября 10
дня 1834 года.

Профессоръ, Цензоръ и Кавалеръ
И. Снегиревъ.

РУССКОМУ.

ПОВѢСТВОВАТЕЛЮ

АЛЕКСАНДРУ БОМИЧУ

ВЕЛЬТМАНУ,

въ знакъ дружбы.

Намѣреніе мое было доставишь Русской публикѣ чтеніе пріятное и вмѣстѣ съ шѣмъ не требующее поспояннаго и продолжительнаго вниманія.

Мнѣ хошѣлось ознакомишь ее съ знаменишѣйшими современными писателями, копорые въ повѣствовательномъ родѣ приобрѣли себѣ Европейскую извѣстность.

Вся нынѣшняя изящная словесность Франціи выразилась въ повѣстяхъ и разсказахъ.

II

Бальзакъ , Викшоръ Гюго , Janin и Дюма , родоначальники молодой Французской Литшперашуры , дали ей всѣмъ новыя формы и свою особенную физиогномію.

Успѣхъ ихъ увлекъ шолпы подражателей , изъ кошорыхъ многіе заслужили почши такое-же уваженіе , какъ и самыя представившели новой школы.

Германія , бѣдная блестящими Романшиками въ наспоющее время , доселѣ довольствувешся и восхищашешся шрудами старыхъ своихъ любимцевъ въ легкихъ родахъ *разказа* и *повѣсти*.

Труды и шѣхъ и другихъ предлагаю я шенерь въ переводѣ.

Если первыя части моего сборника найдущъ благосклонный пріемъ въ ги-

нающемъ свѣтѣ; по изданіе его можешь сдѣлаться періодическимъ.

Физиологія человѣческаго сердца и изслѣдованіе причинъ многихъ явленій нравственнаго міра, и пришомъ въ современную намъ эпоху, будущъ составляшь главное содержаніе и цѣль избираемыхъ мною повѣшей.

Имена : Бальзака , Жюля Janin , Виктора и Абель Гюго , Александра Дюма , Алфреда Де-Виньи , Карла Нодье , Гуспава Друино , Виконша Д'Арлинкура , Евгенія Сю , Жакоба Библиофила , Фридерика Суліе , Павла Фуше , Теодора Мюре , Жюля и Жоржа Занда , Эмиля Дешанъ , Мишеля Масона , Гуспава Альбишпа , Жюля Лакруа , Ганри Martin , Раймона , Гоцлана , Ансело , Жаля , Клаурена , Сшокке , Спанисла-

IV

ва Жюліена, Blumenгагена, Мальшица, Ла-Мошша-Фуке, Шпиндлера, Фридриха Кинда, Раупаха, Прецеля, Лангбейна, Брониковскаго, Гольма, Теодора Гельля, Алексиса Херинга, Крузе, Людвига Тика, Г-жъ Амабль Тасшю, Графини д'Абраншесь, Дебордь Вальморъ, Софіи Ге, Элизы Войаръ, Каролины Пихлеръ, Баронессы Ла-Мош-Фуке и другихъ, будущъ руководить меня въ выборъ пієсъ и ручающа за ихъ до споинсшво.

До сорока современныхъ сочиненій и изданій въ Германіи, Франціи и Англіи будущъ служишь мнѣ испочьниками.

Говоришь о достоинствѣ перевода не мое дѣло. Трудно схватишь и передашь на другой языкъ слогъ и спо-

собъ выраженія, каждому автору свой-
 сшвенные, особливо въ такомъ коли-
 чествѣ столь разнообразныхъ и при-
 хошливыхъ сочиненій. Съ моею споро-
 ны будушь приложены всѣ старанія не
 только не измѣняшь идей Авшоровъ,
 но даже по возможности сохранишь
 въ переводѣ ихъ оболочку,—не оскорб-
 ля чрезъ по чисшошы Русскаго слога.

· Объясненіе кончено.

Книга моя! спупай въ свѣшь!

Федоръ Кони.

МАСКЕРАДЪ.

СЮЖЕТЪ ДРАМЫ

Александра Дюма.

Aimer, être belle et mourir...
O la cruelle destinée!

DEMOUSTIER.

Любишь, блисташь и умерешь....
Что эшаго ужаснѣй?

ДЕМУТЬЕ.

1855.

Nec possum tecum vivere, nec sine te!

Кто-то изъ древнихъ.

Я хошѣлъ бышь одинъ и приказалъ всѣмъ отказать.

Одинъ изъ друзей моихъ ворвался ко мнѣ насильно.

Слуга вошелъ доложишь, что прѣхалъ Антоній Р*.

Изь-за ливрейнаго фрака моего Жозефа замѣшилъ я клочекъ сюрпука; вѣрояшно и попъ, на комъ былъ черный сюрпукъ, съ своей спороны пакже видѣлъ полу моего шлафорка, и опказашъ было невозможно.

— «Милоспи просимъ!» сказалъ я вслухъ. «Чоршъ шебя возми!» сказалъ я про себя.

Безнаказанно мѣшашъ намъ въ заняшяхъ можешъ полько одна любовница, и шо пошому, чшо нѣшъ шакого заняшя, въ кошоромъ бы любимая женщина не принимала учаспїа.

И шакъ я пошелъ на встрѣчу къ госшю съ нахмуреннымъ лицомъ авшора, кошораго опшорвали опшъ дѣла въ одну изъ шѣхъ минушъ, когда онъ больше всего

боялся бышь опорваннымъ. Къ удивленію моему замѣшилъ я, что и его лице было блѣдно и распроеено, и невольно вырвался у меня вопросъ: «Что съ тобой сдѣлалось? Здоровъ ли ты?»

— Ахъ! дай мнѣ опомнишься! заговорилъ онъ: я тебѣ все расскажу. Незнаю, можешь бышь все это сонъ, мечта.... а можешь бышь я сошелъ съ ума.

Онъ кинулся въ кресло и закрылъ лице руками.

Я глядѣлъ на него съ удивленіемъ: волосы его были смочены дождемъ; сапоги, колѣнки и нижняя часть панталонъ забрызганы грязью. Я выглянулъ въ окно: у подъезда споялъ его жокей съ кабриолетшкою....

Онъ замѣшилъ мое удивленіе.

— Я былъ на кладбищѣ Опца Лашеза , сказалъ онъ.

— «Въ десятомъ часу утра?»...

— Въ седьмомъ. — Проклятый маскерадъ ! —

Я не могъ понять , какая могла бытъ связь между маскерадомъ и кладбищемъ опца Лашеза ? Рѣшившись молчать , я спалъ задомъ къ камину и началъ сучить сигарку со всѣмъ хладнокровіемъ и перфливостію Испанца.

Когда сигарка совершенно свернулась , я подаль ея Аншонію , зная , что онъ охотникъ курить.

Онъ поблагодарилъ меня легкимъ наклоненіемъ головы и тихо опшолкнулъ мою руку.

Я нагнулся было , чтобы зажечь сигарку для себя , но Аншоній удержалъ меня.

— Выслушай меня, Александръ! Ради Бога, выслушай! сказалъ онъ.

— «Я съ четверть часа приготовился тебя слушать, но ты молчалъ.»

— О! приключеніе мое странно, удивительно, непоспнжимо!

Я приподнялся; положилъ сигару на каминъ; скрестилъ руки, какъ человекъ на все гошовый, и въ душѣ началъ подозрѣвать, что онъ подлинно помѣшанъ.

— Помнишь ли ты оперный балъ, на кошоромъ мы съ побою встрѣтились?—спросилъ онъ меня послѣ минушнаго молчанія.

— «Послѣдній? Помню: на немъ было около двухъ сотъ персонъ.»

— Помнишь ли, я опшуда хопѣлъ ѣхалъ на балъ въ Театръ Разнообразія (Variétés), о кошоромъ

мнѣ говорили, какъ о величайшей диковинкѣ въ нашъ диковинный вѣкъ? Ты меня опговаривалъ, но какая-то непреодолимая сила влекла меня шуда. Ты взялся описывать намъ современные нравы; за чѣмъ же себя шамъ не было? За чѣмъ не было шамъ ни Гофмана, ни Калло, чшобъ срисовать все эти каршины, вмѣстѣ смѣшныя и фаншаспическія!

Пріѣхавши изъ залы Оперы, пусшой и скучной, я вдругъ вошелъ въ залу полную и веселую. Корридоры, ложи, паршеръ, все было бишкомъ набишо, все было запружено.

Я обошелъ кругомъ всей залы и двадцать масокъ кликали меня по имени и шептали мнѣ свои фамиліи. Когожъ я узнавалъ подь этой безобразной одеждой арле-

киновъ , пьоро , паяцовъ , шрубочисшовъ и пуасардокъ? — Все эшо были начальники опдѣленій различныхъ миниспершвъ , члены палашъ ; все были люди съ именемъ , съ вѣсомъ , съ чесшью и съ доспоиншвомъ , кошорые , забывъ о своемъ происхожденіи , забывъ искусствва , науки , полипику и весь нашъ спрогій и важный вѣкъ , убивали здѣсь Махіавелическій свой вечеръ ! Мнѣ напередъ сказывали, что я ихъ шамъ вспрѣчу, но я не хотѣлъ эшому вѣришь. . . .

Поднявшись на нѣсколько спупенекъ , я прислонился къ колоннѣ , кошорая меня въ половину закрыла , и усшремилъ глаза на эшо море человѣческихъ сущесшвъ , кошорое предо мной волновалось и кипѣло. Безчисленные домины ,

полосатые комзолы, смѣшные кафшаны песпрѣли, блисшали, и вмѣстѣ сославляли что по совсѣмъ не человѣческое. Музыка загремѣла; и вдругъ всѣ эши спранныя фигуры начали двигаться подъ звуки аркеспра, котораго опголоски смѣшивались съ крикомъ, визгомъ, хохотомъ и восклицаніями. Всѣ хватали другъ друга за руки, за спанъ, за шею. Вошъ образовался широкій кругъ и началось кругообразное и движеніе: все зашопало ногами, мужчины и женщины; подошвы шмыгали съ шумомъ по полу; пыль вилась облакомъ и мяпежный блескъ люспрѣ освѣщаль малѣйшіе ея ашомы. Все вершѣлось шибко и быспро. Одна пара перегоняла другую съ самыми спранными движеніями, непри-

спойными жестами, уродливымъ кривляньемъ, криками веселаго развраща... И все шибче и шибче, шапаясь, какъ опьянелый мужчина; изнывая, какъ поперевшаяся женщина; больше ошъ безумства, чѣмъ ошъ радости; больше ошъ бѣшенства, чѣмъ ошъ удовольствія. . . . Словомъ: эпо былъ хороводъ осужденныхъ, копорые по демонскому побужденію совершающъ адское свое опредѣленіе.

И все эпо происходило передъ глазами моими, у ногъ моихъ. На меня вѣяло вѣшпромъ ошъ ихъ бѣга; и каждая знакомая маска мимоходомъ бормотала мнѣ нѣсколько словъ, ошъ копорыхъ меня бросало въ ознобъ и въ краску.

И весь эпошъ шумъ, говоръ, смященіе и звуки повпорялись въ

моей: головѣ почто шакже, какъ и въ залѣ. Наконецъ я былъ не въ состояніи оплицишь мечпу ошь дѣйсвишельности и спрашивалъ самага себя: Не пошерялъ ли я разсудка? или они всѣ въ безумствѣ?

Меня влекло какое-то искушеніе: я хопъль бросишься въ средину эшаго адскаго навожденія, какъ Фаустъ на шабашѣ; меня рвало и дергало; я чувсшвовалъ поже, что и они; шопъ-же смѣхъ, пѣже жесшы, пѣже позы, шопъ-же хохопъ. Положеніе ужасное: одинъ шагъ оспавался до сумашесшвія! Я испугался, кинулся вонъ изъ залы. . . . и до самага крыльца преслѣдовалъ меня дикій ревъ, похожій на любовное мычаніе звѣрей, кошорое иногда бы-

ваешъ слышно въ Африканскихъ пещерахъ.

У выхода я оспановился, чшобъ опамяшовашься. Я нерѣшался выд-
пи на улицу съ такимъ разсрой-
сшвомъ въ умѣ; я боялся, чшо
не найду дороги; боялся, чшо
попаду подъ карешу, пошому чшо
не могъ различить спука ея
колесъ.

Я похожъ былъ на пьянаго, у
кошораго возврашилось сполько
чувсшва, чшо онъ замѣшилъ свое
положеніе, и желая скрышь его,
но не имѣя довольно силы, съ
неподвижными и мушными гла-
зами, крѣпко прислоняешся къ фо-
нарному сполбу или къ дереву
на публичномъ гульбищѣ.

Въ эшу минушу у подъѣзда
оспановилась кареша; подножка
откинулась и женщина соскочила

на крыльцо. Она вошла въ сѣни, оборачивая голову на всѣ спороны, какъ заблудившаяся. На ней было черное домино и черная бархашная полумаска. Она подошла къ дверямъ.

— Вашъ билешъ? спросилъ Швейцаръ.

— Билешъ? У меня нѣшъ билеша.

— Такъ извольше взяшь въ продажъ.

Домино ворошилось въ сѣни, обшарило проворно свои карманы. . . . Денегъ нѣшъ! вскричала она. . . . Все равно! эшошъ першень. . . .

Она сняла съ руки брилліаншовой солишеръ червонцевъ въ двѣсти и подошла къ конпоркъ.

— Билешъ для входа! вошъ вамъ першень! сказала она.

— Мы не поргуемъ и не мѣняемъ! отвѣчала грубо женщина, продававшая билеты, и опшолкнула шакъ неоспорожно руку съ перспнемъ, чпо онъ изъ нея выпаль и подкапился ко мнѣ.

Я его поднялъ и подаль дамѣ. Я видѣлъ, какъ глаза ея сквозь маску успремились на мои глаза; она глядѣла на меня въ нерѣшимости, попомъ вдругъ подала мнѣ руку.

— Введише меня въ залу! Ради Бога введише!

— Я сей часъ шолько вышелъ опшпуда, отвѣчалъ я.

— Такъ дайше мнѣ десяшь франковъ за эпошь перспень: вы окажете мнѣ услугу, за кошорую я буду вамъ благодарна во всю жизнь мою!

Я надѣлъ ей перстень на палець; подошелъ къ продажѣ, взялъ два билеша и мы пошли вмѣстѣ.

Въ корридорѣ я почувствовалъ, что она зашашалась и вдругъ обѣ руки ея крѣпко ухватились за мою руку.

— Вамъ дурно? спросилъ я.

— Нѣтъ! . . . ничего! . . . это такъ. . . охъ сильнаго освѣщенія! освѣчала она и пошатила меня въ залу.

Мы вошли въ эполъ веселый домъ безумныхъ. Три раза окружили залу, съ шрудомъ разсѣкая волны масокъ, копорыя шѣснились одна за другою.

Она дрожала при каждомъ неблагоприсшойномъ словѣ, копорое слышала; я краснѣлъ охъшого, что велъ подѣ руку жен-

щину, копорая рѣшалась слушашь шакія слова.

Мы опяшь очупились на концѣ залы и она въ изнеможеніи упала въ кресло. Я спалъ передъ нею и облокопясь рукой на спинку кресла.

— Вамъ вѣрно шакже, какъ и мнѣ, все эшо кажешся спраннымъ? — говорила она. — Божусь вамъ, я даже не имѣла поняшя объ эшихъ балахъ; мнѣ и во снѣ никогда не снилось шого, чшо я здѣсь видѣла. . . . Но я получила сего дня записку. . . . онъ будешь здѣсь, говорили мнѣ. . . . съ женщиной. . . . И какова-жъ должна бышь женщина, копорая ошваживаешся прѣхашь сюда!

Я опшашнулся опъ удивленія; она меня поняла.

— А я? хошите вы спросишь? За чѣмъ я здѣсь? О! это со-всѣмъ другое дѣло: я ищу *его!*... я *его* жена! Эту толпу женщинъ завлекли сюда безуміе и развращъ, а меня—адская ревность! — Я бы вездѣ спала *его* опыскивашъ; я пошла бы въ полночь на кладбищъ; я пошла бы на площадь во время казни; и не смошря на шо, повѣрише-ли? Когда я была еще дѣвушкой, я боялась выдши на улицу безъ машери; замужемъ, ни разу не уходила со двора безъ лакея; а шеперь и я здѣсь, шакже, какъ и всѣ эши женщины, кошорыя швердо заучили дорогу въ эшошъ домъ. Я здѣсь и подъ руку съ незнакомымъ мужчиной, и должна краснѣть подъ маскою при одной мысли о шомъ мнѣніи, кошорое я ему подала о себѣ.... Такъ, сударь, я

здѣсь! . . . Скажише : знаете ли вы , что такое ревность ? »

— Я любилъ ! я ревновалъ !

— Такъ вы не должны осуждать меня : вы сами все испытали ! Вамъ долженъ быть знакомъ эшотъ голось , кошорый , какъ демонъ ада , безъ умолку кричитъ вамъ на ухо : « иди ! ищи ! » Вы вѣрно чувствовали эту невидимую руку , кошорая влечетъ васъ на спыдъ и пресшупленіе , какъ рука неумолимага рока ! Вы знаете , что въ такую минушу человекъ способенъ на все : ему нужно только мщеніе ! одно мщеніе !

Я хопѣлъ опвѣчать , но она вдругъ вскочила съ мѣсша , и глаза ея приковались къ двумъ доминамъ , кошорыя въ эту минушу проходили мимо насъ .

— Замолчише ! прошепшала она и повлекла меня за ними .

Я былъ замѣшанъ въ инпригу, въ кошорой самъ ничего не понималъ. Я чувствовалъ, какъ дрожали всѣ мои фибры, и не могъ ее ославить: она была въ шакомъ волненіи, она была шакъ инпересна! Я повиновался ей слѣпо, какъ ребенокъ, и мы пустились вслѣдъ за двумя масками, изъ кошорыхъ одна очевидно былъ мужчина, а другая женщина. Онѣ говорили въ полголоса и звуки съ прудомъ долешали до ушей нашихъ...

— Эшо онъ! швердила она... Я узнаю его по голосу!... Его роспъ, его манеры... Домино, кошорое было повыше, засмѣялось... Его смѣхъ! воскликнула она: эшо онъ!... Меня не обманули... эшо онъ!... О! Боже мой! Боже мой!

Между шѣмъ маски все шли

впередъ, а мы опъ нихъ не опшавали: онъ вышли изъ залы и мы за ними; онъ поднялись по лѣспницѣ въ корридоры ложъ и мы шакже; онъ оспановились у средней ложи а мы поодаль, какъ будшо ихъ двѣ шѣни.

Маленькая ложа съ рѣшешкою опворилась: маски вошли въ нее, дверь за ними хлопнула и вскорѣ щелкнулъ замокъ.

Волненіе несчастной, кошорую я вель подъ руку, начало спрашишь меня: я не могъ видѣшь ея лица, но когда она прижалась ко мнѣ близко и крѣпко, я слышаль удары ея сердца, чувсшвоваль, какъ дрожало ея шѣло, какъ шрепешали ея члены. Спрашенъ былъ способъ, кошорымъ сообщались мнѣ всѣ эши пылкія и глубокія спраданія. Я не по-

спигаль ихъ причины, я не зналъ ихъ жершвы, но признаюсь, въ эшу минушу ; я не оспавиль бы эшой женщины ни за чшо на свѣшѣ.

Когда она увидѣла, что обѣ маски вошли въ ложу и дверь за ними запворилась, она нѣсколь-ко минушъ спояла въ оцѣпѣне-ніи, какъ пораженная громомъ ; пошомъ вдругъ кинулась къ дверямъ, чшобъ подслушашъ, чшо шамъ говорашъ и дѣлаюшъ. Малѣй-шее ея движеніе могло обнару-жишъ наше присупсшвіе и по-губишъ ее на вѣки : я схвашилъ ее за руку, пожалъ ручку у ближ-няго замка, дверь въ сосѣдшвен-ную ложу опворилась, и я силою вовлекъ ее шуда ; пошомъ поднялъ рѣшешку и дважды повернулъ ключъ въ замкѣ.

— Если вы хошите подслуши-

вашь , сказалъ я , шакъ по крайней мѣрѣ , слушайше опсюда .

Она упала на одно колѣно и приспавила ухо къ перегородкѣ ; а я споялъ съ другой спороны , сложивъ руки , опуспя голову и погружаясь въ размышленіе .

Все , чпо я могъ видѣшь въ эшой женщиѣ , обличало въ ней молодоспъ и красопу : нижняя часпъ лица , не закрышая маской , была круглa , нѣжна и бѣла ; маленькія губки алѣли , какъ шипокъ розы ; зубы , кошорые казались бѣлѣй перламушра опъ чернаго бархаша маски , были раздѣльны и блестящи ; ручька полная ; спанъ можно было обхвапипъ чешырѣмя пальцами ; черныя , мягкія , шелковиспыя кудри , волнами сыпались изъ подъ капишона ея домины ; и ножка ,

нѣжная, оспрая, миніашюрная ножка дишящи, казалось, - съ шрудомъ поддерживала ея прелесшное шѣло, не смѣря на его воздушную спройность и гибкость. О! эшо было чудесное созданіе!... И смершнѣй, копорѣй могъ держашь ея въ своихъ объспіяхъ, могъ видѣшь, какъ всѣ способности души ея сосредоточились въ одинъ порывъ любви, могъ чувспвовашь подъ сердцемъ своимъ всѣ эши судорожныя движенія, эши нервическіе припадки, эшопъ гальванической прѣпешъ и могъ сказаць: *«Все это изъ любви!... Изъ одной любви ко мнѣ!... Ко мнѣ одному среди милліоновъ людей! Ко мнѣ, избранному небомъ...»* Топъ смершнѣй... О! я гошовъ былъ ему завидовашь, завидовашь до ненависти!

— «Послушайте: я прекрасна! клянусь вамъ, я прекрасна! Я молода: мнѣ шолько девятнадцашъ лѣтъ!... До сихъ поръ я была чиста и невинна, какъ Ангелъ первозданный... И шакъ...» Тупъ обвида она обѣ руки около моей шеи... «И шакъ... я ва-ша!»..

Успа ея прильнули къ моимъ губамъ; чувшво поцѣлуя, или лучше сказаць, чувшво укушенія пошрясло все мое бомлѣвшее шѣло; я запрепепалъ всѣми фибрами и огненное облако набѣжало на глаза.

Прошло десятъ минушъ.

Я споялъ передъ нею; она, полумертвая, лежала опрокинувшись въ креслахъ и рыдала.

Медленно возвращалась она къ чувшву. Я замѣшилъ сквозь мас-

ку, что глаза ея блуждали; нижняя часть лица была блѣдна. Я слышалъ, что зубы ея стучали, какъ ошъ лихорадки.... И все это глубоко запало въ моей памяти.

Вдругъ она вспомнила обо всемъ... и упала къ ногамъ моимъ :

— «Будьте великодушны!» сказала она: «Хоть изъ соспраданія, изъ милосши, не глядите на меня! Не спарайшесь узнавать, выпустите изъ логи и забудьте обо всемъ, что произошло между нами; а я.... я буду помнить и за себя и за васъ! Я буду помнить за двоихъ...»

При сихъ словахъ она вскочила, кинулась къ дверямъ, ошперла ихъ....

— «Не слѣдуйте за мною! Ради Бога! не слѣдуйте!» вкричала она и исчезла быспрѣ мысли,

копорую мы ловимъ на лешу и не можемъ схвашишь....

Дверь съ шумомъ захлопнулась, я оспался одинъ — и никогда не видалъ ее болѣе.

Я не видалъ ее болѣе! Но въ продолженіи десяти мѣсяцевъ искалъ ее вездѣ: на балахъ, въ шпашрахъ, на гуляньяхъ; каждый разъ, когда я видѣлъ издали женщину съ шонкой шаліей, дѣпской ножкой, черными локонами, я бѣжалъ за нею, подходилъ къ ней, глядѣлъ ей прямо въ лице, въ надеждѣ, что она покраснѣетъ, смушишься... и все напрасно! — Я нигдѣ ее не находилъ! Нигдѣ не встрѣчалъ ее, кромѣ живыхъ сновъ моихъ, въ безсонныя мои ночи! О! пущь она являлась ко мнѣ каждый разъ,...

валь ея боязнь, ея шрепешъ, ея жгучія, поцѣлуи... чувствовалъ въ нихъ чшо-шо неземное, и чшо-шо адское... Пошомъ вдругъ спадала съ нея маска, и лице представлялось мнѣ подъ самыми спранными видами: шо смушное, какъ бы подернутое облакомъ; шо блестящее, какъ бы окруженное заревомъ; шо блѣдное съ голымъ черепомъ, съ пуспыми глазницами, съ ходячею челюстью... Словомъ: съ блаженной ночи маскарада, я больше не жилъ; я сгаралъ любовью къ женщинѣ, копорой не зналъ; надѣялся найдти ее, и всегда обманывался въ надеждѣ; ревновалъ ее... и самъ не зная къ кому, и не имѣя на шо никакого права... Самому себѣ не смѣлъ я признапья въ своемъ безуміи, ... а между шѣмъ

стараль, крушился, испаяваль
опъ моей спраспи.

Оканчивая эпи слова, онъ вы-
нулъ письмо изъ кармана.

— Я все шебѣ разказаль. Вошь
письмо : прочпи его.

Я развернулъ письмо и спаль
чишашъ :

« Вы, можешъ спашься, поза-
«были несчастную женщину, съ
«кошорой однажды вепрѣпились
«случайно въ маскерадѣ. Но она не
«могла эшаго забышь — и за шо
«поплашилась жизнью. Когда вы
«получите письмо сіе, меня уже
«не будешъ. Тогда сходите на
«кладбище опца Лашеза, позови-
«ше могильщика, велише показашъ
«себѣ одну изъ свѣжихъ могилъ, на
«камнѣ кошорой, вмѣспо надписи,
«будешъ проспо вырѣзано имя :
«*Марія!* — И когда вы подойдете

«къ эшой могилѣ, спаньше на колѣна и помолишесь!»

— Я получилъ записку вчера, сказалъ Аншоній, а нынче я былъ на кладбищѣ. Спорожъ указалъ мнѣ ея могилу и два часа я на ней молился и плакалъ.

— Понимаешь ли ты, Александръ? Она была шамъ, подъ ногами моими, въ эшой могилѣ! Эша божеспвенная женщина была въ могилѣ! Пылкая душа ея оплешѣла; а прекрасное шѣло обречено на исплѣніе ея раскаяніемъ и гореспію! Она жила и умерла неузнанная мною! *Неузнанная*. . . . но занявъ въ жизни моей шакое же мѣспо, какъ шеперь заняла въ могилѣ. *Неузнанная*—и похоронивъ въ душѣ моей холодный и бездушный призракъ, какъ шеперь

похоронила бездушное свое шѣло въ гробъ! Слыхалъ ли ты чтонибудь подобное?—Знаешь ли ты происшествіе спраннѣ моего!— И теперь нѣтъ больше надежды! Я ее не увижу, никогда не увижу! Еслибъ я даже разкопалъ ея могилу, то не найду ни одной черны, кошорая могла бы мнѣ выразишь прелеспное лице ея! Я ее не увижу болѣе! и все еще люблю! Понимаешь ли ты, Александръ? Я люблю ее.... спрашно, пылко, какъ безумный! Я сей часъ бы поднялъ на себя руку, чшобъ послѣдовашь за нею, еслибъ не зналъ, что и въ проспрансхвахъ вѣчноспи она оспанешся мнѣ шакже неизвѣспною, какъ была на землѣ!—

Тутъ вырвалъ онъ у меня письмо изъ рукъ, прижалъ его къ своимъ

губамъ и началъ плакать, какъ ребенокъ.

Я его обнялъ, и не зная, что сказать ему въ утѣшеніе, заплакалъ съ нимъ вмѣстѣ.

Sans doute, ce n'est pas à nous de décider si c'est une idée dramatique; mais à coup sûr c'est là une idée morale.

V. Hugo.

Конечно, не намъ судить, годится ли эта мысль для драмы; но мы можемъ сказать навѣрное, что мысль эта нравственная.

Викторъ Гюго.

А Д В О К А Т Ъ.

(КОЕ-ЧТО ДЛЯ ВОДЕВИЯ).

Р А З С К А З А Н О

Густавомъ Альбиттомъ.

Г-ЖА ДОРМИЛЬ.

...я спала выхваляшь вашу любовь, довѣрие къ женѣ ; спала выславляшь ласки и угожденія , копорыми вы ее осыпаете... Чшо-жь? — Надо мной начали смѣяться: всѣ хоромъ ушверждали , чшо вы... чшо вы... Какъ бы вы думали , чшо шакое? . . .

РАМБЕРЪ.

Не знаю. . . . право.

Г-ЖА ДОРМИЛЬ.

Чшо вы — *ревнивецъ*.

РАМБЕРЪ.

Кшо? Я — ревнивъ? — Чшо за мысль! . . . Не угодно ли вамъ пожаловать въ гостиную.

Изъ водесила : Не мужъ — а золото!

1834.

Voilà ce que c'est, que de permettre à sa femme.... Aussi, ces maris méritent bien leur sort. Pourquoi sont-ils si faibles, si peu prévoyants!

(изъ нижеслѣдующаго разсказа.)

Чай только что опили.

За небольшимъ чайнымъ столикомъ сидѣлъ мужчина съ хитрой улыбкой и крупными, выра-

зипельными черсами лица, а подлѣ него женщина въ упреннемъ ко-сшюмѣ, воздушная и блѣдная, какъ бѣлый газъ ея распашнаго плашья. Трешье лице дополняло каршину: эшо былъ молодой человекъ, копорый прислонясь къ оконной рамѣ, разсѣянно глядѣлъ на позолоченную решешку присупсшвенныхъ мѣсшъ, возвышавшихся напрошивъ дома.

Мужчина, копорый сидѣлъ за споломъ, и въ эшо время машинально раскладывалъ въ рядъ нѣсколько кусочковъ сахару, былъ извѣсшный Адвокатъ, два, не шо при года женашый; а топъ, копорый споялъ у окна былъ скульпшеръ, энпузіасшъ своего искушва, поэшъ въ душѣ и школьный шоварищъ нашего юрисша.

— Такъ шы рѣшишельно не при-

дешь къ намъ?—сказалъ Адвокатъ,
вспавая изъ за спола.

— « Не могу! —опвѣчалъ Скульп-
перъ,—я шебѣ сказывалъ, чшо опи-
правляюсь въ деревню.»

— Въ деревню : въ Ноябрь мѣ-
сяцъ ?

— « Я ѣду за дѣломъ.»

— А ; въ шакомъ случаѣ , сча-
спливаго пуши ! Только не за-
будь , прежде опѣзда , доспа-
вишь моей женѣ обѣщанную арію.
А шо берегись : она разсердился.

— Да, да, Марсей ! — сказала мо-
лодая дама , поднявъ большіе глаза
свои, копорые доселѣ были при-
кованы къ спранному рисунку на
фарфоровой чашкѣ;—Будьше пакъ
добры !

— « Помилуйше ! съ превеликимъ
удовольспвіемъ : вы хошите ду-
эпъ изъ Straniera ? »

— Да, да; сказала Адвокашъ — изъ Straniera, не по изъ Forestiera — не знаю хорошенько. . . . шолько изъ какой-шо скучной ишалианской Оперы.

— «Помилуй: чшо ты говоришь?»

— Я говорю, чшо думаю. Всѣ эши оперы съ ихъ огромными аріями и безконечными руладами надоѣли мнѣ до смерти: и еслибъ не моя жена....

— Очень вамъ благодарна, сударь, чшо вы для меня скучаете!

— Вѣдь эшо правда, другъ мой! За чшожъ благодарить? Я шолько исполняю долгъ свой.... долгъ же-нашаго челоуѣка и добраго мужа.

— Копорый не понимаешь и не любишь музыки.

— Напрошивъ, я очень люблю музыку, шолько пріашнюю, веселую

какъ на примѣръ: въ *Двухъ Охотникахъ*, или въ *Молочницѣ*, или въ *Лѣкарствѣ безъ лѣкаря*, или въ *Бабетѣ* и *Блезе* и въ кучѣ другихъ прелесныхъ маленькихъ піесъ.

Но опъ швоихъ опера *Seria*, опъ швоей *Straniera* — я просю за-сыпаю, къ шому-же я не пони-маю въ нихъ ни одного словечка... виновашъ! виновашъ! солгалъ: ко-гда Тамбурины кричишь: «Leopoldo! Leopoldo!» я шощасъ догадался, что онъ кличешъ какого-шо Лео-польда.

— «Видишь-ли, шы начинаешъ помаленьку образовывашься! ска-залъ аршишъ съ усмѣшкою. Од-нако прощайше! Мнѣ пора! Надо еще кой-куда завернушь прежде опъ-ѣзда!»

— А я пойду въ кабинетъ об-думывашъ процессъ.

— Надѣюсь, — сказала Адвокатъ, провожая своего друга, ты не спо льшь проживешь въ деревнѣ?

— « Я нынче ворочусь. »

— То-то же. Ты вѣрно ѣдешь хлопошашь объ наградѣ за твою храбросшь...

— « За какую ? »

— Полно прикидывашься: я вѣдь знаю, за кого ты при дни пому назадъ дрался на дуэли.... Ты думаешь, мы такъ просшь, что ничего не видимъ?

— Но я могу себя увѣришь....

— Полно брашець!... И что за скромносшь? по всей справедливо-спи, красавица должна наградишь себя за то, что ты такъ горячо вступилъ за ея чешь. Чшожь шупь дурнаго? — Помилуй: *благодарность есть высочайшая добродѣтель!*

— « Во первыхъ ты ошибся: я

дрался со всѣмъ не за женщину....»

— Ошибся? — Я ошибся! Адвокатъ ошибся? Ты шупишь! Да можешь ли ошибиться когданибудь и въ чемънибудь Адвокатъ, копорого ремесло сосшопъ въ шомъ, чшобы все опкрывашъ, угадывашъ и даже пропирашъ глаза самой богинѣ правосудія?

— «Эшо еще ничего не доказывашъ.»

— Не хочешь ли ты меня увѣришь, чшо ты дрался изъ славы, какъ спранспвующіе рыцари, или древніе Паладины? Любезный другъ! въ 1834мъ году люди не шакъ просшы! И если дѣлають добро, шо вѣрно предвидяшъ опъ него какойнибудь барышъ. Я напрымѣрь: гошовъ говоришь въ пользу невинности; если шолько эша невинность не съ пущыми карманами и мо-

жешъ заплашишь мнѣ за мое краснорѣчіе. Да и ты, я думаю, сошворенъ не лучше насъ грѣшныхъ.

— «Но я тебѣ клянусь, что ты жестоко обманулся.»

— Обманулся? Извольте! почтено я обманулся! Я ничего не знаю, ничего не угадалъ и, пожалуй, цѣлый вѣкъ гошовъ ушверждашь, что поняшія ни объ чемъ не имѣю... Прощайте! Господинъ непронцаемый!

— «Прощай!»

— Славный малый! — сказалъ Адвокатъ, войдя къ себѣ въ кабинетъ, — человекъ съ рѣдкими качествами! Скульпшерь отличный! — По-наспоящему его мѣсто въ Академіи Художествъ... только, что онъ не говори, а все не увѣришь меня, чтобъ у него не было инприжки... Я на эши вещи зорокъ, нужды нѣтъ,

что женашь.—Однако пора заняшь-ся дѣломъ. Какая скука! Тяжбы! да шяжбы, и вѣчныя шяжбы! Вопшь эша напрымѣрь: Мужъ просишь о разво-дѣ съ женою. Конечно, онъ имѣешь на эшо право; законъ говоришь: «Если имѣющія основашельныя причины къ несогласіямъ семей-нымъ, шо супруги въ правѣ пребы-вашь развода.»—Кліеншь мой слиш-комъ ясно опредѣляешь эши *основа-тельныя* причины; доказашельства *очевидны* и законъ на его споронѣ.—А говоряшь, они прекрасно жили, и даже нѣсколько лѣшь!—А кшо до-велъ ихъ до эшого!—Пріятель!—Охъ! ужъ мнѣ... Вошь, что значишь бышь слишкомъ довѣрчивымъ! Вошь что значишь позволяшь же-нѣ своей... Ну, да подѣломъ имъ! Мужья эши сущіе проспофили! Къ чему шакая слабосшь?... Какъ

не имѣшь сполько предусмотрительности, чшобъ.... О! я увѣренъ, со мной никогда бы эшого не случилось. Во первыхъ: я никуда не выѣзжаю, кромѣ присушствія, всегда заняшь дѣломъ. Я спрогъ, но припомъ справедливъ. Во впорыхъ: я никого не принимаю къ себѣ, рѣшишельно никого, кромѣ Альфреда, школьнаго моего шоварища. Правда, съ нѣкошораго времени, онъ спалъ гораздо чаще ѣздишь ко мнѣ въ домъ.... на эшо ешь причины : онъ музыканшъ, жена моя шоже музыканшша.... Они оба переселяющся въ міръ гармоніи и фаншазіи, и пока они будушь занимашься одною музыкою.... Да—вѣдь надоѣсшь занимашься все однимъ и пѣмъ-же и наконецъ можешъ имъ придши шакая фаншазія.... И вздоръ какой! Чшо за чепуха лезешъ мнѣ въ голо-

ву.... ужъ не позволишь пріятелю, поварищу, другу.... Однако эшо не резонъ! дружба дружбой.... а сколько мы видимъ примѣровъ.... Адская мысль! Она заронилась мнѣ въ сердце!... А все эшошь негодный процессъ! Будь онъ прокляшь!... А за что я его проклиною? Можешъ бышь я ему еще обязанъ; онъ меня спасаешъ опъ.... Глупо, довѣряшь излишне и друзьямъ и женамъ! — Конечно, Амалія меня очень любишь; къ шому же мы соединены формальнымъ коншракшомъ.... Ну, да нынче не слишкомъ глядяшь на формальные коншракшы и не рѣдко.... Особливо съ нѣкошораго времени, мнѣ кажешся, Альфредъ спашъ шакъ хлопощливъ, шакъ угодишелень около моей жены. Не ужели они ужъ въ совершенномъ со-

гласиі?... Вздоръ! Угодительность эша ясно доказываетъ пропивное: еслибъ онъ былъ *вполнѣ* счастливымъ шакъ не спалъ бы шакъ усердно за ней ухаживашъ. Нѣшъ! я эши вещи знаю. Онъ шолько при всшупленіи: при вздохахъ и нѣжноспяхъ. Но дальше не поидетъ Нѣшъ за эшо я ручаюсь! Я не даромъ здѣсь! Я посшавлю ихъ на спашъ! Не меня имъ проводишъ! Сшара шшука! Слава Богу! чшо я еще во время спохвашился: пока ешъ средшво помочь бѣдѣ....

Тупъ слегка посшучали въ дверь кабинеша.

— Кшо шамъ? крикнулъ Адвокашъ.

— «Эшо я!—ощвѣчала Амалія—можно войши?»

— Войди! войди, мой другъ! Ты

знаешь, что ты никогда не можешь мнѣ помѣшашь....

— «Право? Тѣмъ лучше! А мнѣ надо было тебя кой о чемъ попросишь....»

— Помилуй, Амалія! для чего же ты давно не вошла и не сказала! Какъ тебѣ не стыдно! Развѣ я тебѣ когда нибудь, и въ чемъ нибудь, отказывалъ? эшо дурно! очень дурно съ швоей спороны и я разсержусь!

— «Ба! ба! ба! Какія нѣжності! Чшо съ вами нынче сдѣлалось?»

— Нынче! я думаю, я всегда съ шобой одинаковъ.

— Ну, нѣшъ....»

— Такъ нынче я нѣжниѣе? Можешъ бышь! Очень радъ, что тебѣ шакъ кажешся! — Посмошримъ: въ чемъ дѣло! Чшо тебѣ угодно, мой Ангель? Вѣрно но-

вое плашье? Изволь; я самъ поѣду и сей часъ же куплю.

— «Ошиблись: совсѣмъ не по. Ты знаешь, какъ рѣдко я выѣзжаю со двора....»

— Рѣдко?... Не лъзя сказать, чшобы очень....

— «Напрошивъ, очень рѣдко!»

— Если ты шакъ полагаешь, я не хочу тебѣ прошиворѣчишь.

— «Завшра мнѣ хочешся побы-
вашь въ большой Оперѣ.»

— Какъ! въ большой Оперѣ?
завшра?

— «Да.»

— Завшра?

— «Ну да.»

— И непременно завшра?

— «Непременно.»

— Мудрененько эшо сдѣлашь....

— «Ощъ чего-же?»

— Опъ шого.... Опъ шого.... Ты знаешь , другъ мой ! У меня минушы нѣшь свободной. Я нарочно нанялъ домъ прошивъ Присупшвенныхъ мѣспъ , чшобы сберечь хопъ немного времени.

— « Да, нечего сказашь, въ прекрасный кваршаль мы заѣхали ! »

— За шо я еще не прогулялъ ни одного процесса ; я сосшавиль себѣ имя и долженъ его сберегашь.

— « И шакъ ? »

— И шакъ.... завшра я заняпъ чершовски: надо похлопошашь объ одномъ несчастномъ, на кошораго сдѣланъ доносъ , чшо онъ принадлежишь къ паршїи Карлишовъ. Нельзя-же мнѣ бросишь эшаго бѣдняка. . . .

— « Если нельзя , дѣлашь ничего : я не поѣду завшра въ Оперу. »

— Какъ ты добра!

— «Надо успунить, что съ по-бой дѣлать.»

— О! какъ я тебѣ за это благодаренъ!

— «За то послѣ завтра мы непременно ѣдемъ вмѣстѣ на балъ къ Г-жѣ де Мираль.»

— Мой Ангелъ!... я бы очень радъ.... но....

— «Что еще?»

— Послѣ завтра мнѣ надо хлопотать объ одномъ несчастномъ, на котораго донесли, что онъ участвуетъ въ республиканскомъ заговорѣ. Какъ-же мнѣ его оспавить....

— «Нѣтъ! ужъ это слишкомъ!»

— Будь увѣрена, еслибъ не крайность меня заспавляла....

— « Я для васъ не поѣду въ Оперу , но , какъ вамъ угодно , на балъ я непременно должна ѣхать.»

— Милая ! не будь дѣла , я бы съ величайшимъ удовольствіемъ... Ты не можешь вообразишь себѣ , какъ мнѣ самому досадно....

— « Воображаю, сударь! воображаю....»

— Нѣтъ ! кромѣ шутокъ!... Я гошовъ съ ума сойдши... но чшо же дѣлать ! Не могу съ собою ѣхать....

— « А если такъ , то Г. Мерсей будешь моимъ кавалеромъ.»

— Ну , это еще нерѣшено....

— «Какъ нерѣшено ?»

— Разумѣется!... Можешь быть, Мерсею будешь нѣкогда ; онъ чловѣкъ дѣловой и не всегда можешь располагать собою. Не долж-

но упошребляшь во зло его снисходительности.... Согласись сама: эшо невѣжливо....

— «Г. Мерсей слишкомъ добръ...»

— Но добраша имѣешь свои границы.

— «Почему шы знаешь: можешь бышь, онъ не откажешся?»

— Онъ навѣрное согласишся, пошому, чшо ему не ловко шебѣ ошказашь. Но я знаю, чшо эшо ему будешь, очень неприятно.

— «Почему?»

— Пошому.... Ахъ! мой другъ! Есть шакія вещи, обѣ кошорыхъ нельзя шебѣ сказашь. И къ чему спрашивашь? Ты сама должна бы догадашья. . . . Неужели шы недогадываешья?

— «Нѣшъ!»

— Ты знаешь Альфредъ молодой малой, недурень собой, онъ не просиживаетъ, какъ я, по цѣлымъ сушкамъ въ кабинетѣ за работою.... Онъ развѣзжаетъ по баламъ, псапрамъ, гуляньямъ....

— «Что-жъ изъ эшаго слѣдуешь?»

— Что слѣдуешь?—Хорошъ вопросъ! Изъ эшаго слѣдуешь, что онъ, какъ ловкій, распоропный и умный мужчина, долженъ нравиться женщинамъ. И если ужъ пошло на опкровенность, шакъ я шебѣ скажу, что естъ даже одна извѣстная дама, я шолько не хочу ее назвашь, кошорая имѣетъ надъ нимъ нѣкошорыя права и располагаетъ его временемъ.

— «Въ шакомъ случаѣ», сказала Амалія холодно, «я не хочу, чтообъ онъ ѣхалъ со мной на балъ.

До сихъ поръ я весьма уважала Г. Марсея, но шеперь.»...

— Ахъ! Боже мой! Да неужли онъ за эшо долженъ пошеряшь швое уваженіе. Онъ чувспвишелень, у него зоркіе глаза и онъ упошребляешъ ихъ съ пользою... шущъ нѣшъ еще бѣды никакой... особливо для холоспяка....

— «Право?»

— Разумѣешся.

— «А кпо шебѣ все эшо разсказаль?»

— Онъ самъ. Я было сначала не кошѣль его слушашь: пы знаешъ, какъ я спрогъ на эши вещи... Правспвенность—моя свяшыня!... Но онъ самъ навязаль мнѣ свою шайну... и я спаль его повѣреннымъ по неволь. Три дни шому назадъ, онъ даже дрался за нее на дуэли.

— « За эту даму ? »

— Да. Онъ разсказалъ мнѣ объ эпомѣ только сей часъ , когда я его провожалъ.

Эпо доказываетъ , что онъ человекъ услужливый и храбрый; а потому всегда достоинъ своего уваженія.

— « Напрошивъ , эпо мнѣ доказываетъ , что онъ человекъ , котораго всячески должно избѣгать. Ему мало того , что онъ безчестилъ женщину , которая предалась ему , можетъ быть , опъ чистаго сердца.... Нѣтъ ! онъ ее позорилъ еще публично вызовомъ , дуэлью ! Эпо ужасно ! Непростительно ! »

— Ну вошь ! Ты каждую малость гошова увеличилъ въ десятеро и сердилъ за каждую бездѣлицу.

— « Эпо ужасно ! говорю я вамъ ! »

— А я тебѣ говорю , что Мар-

сей совѣтъ не ужасенъ, а напропивъ очень миль... Спроси у всѣхъ дамъ: онѣ тебѣ поже скажутъ.

— «Чѣмъ больше ты будешь его хвалишь, тѣмъ больше онъ шеряешь въ моихъ глазахъ!»

— А для чего бы мнѣ изъ пущаго каприза, умалчивашь обо всѣхъ его прекрасныхъ качествахъ? Онъ человекъ съ большимъ достоинствомъ; прелесный мужчина, пылкій, нѣжный; даже черезъ чуръ нѣжный....

— «Довольно! довольно! Замолчи! До сихъ поръ я глядѣла на него, какъ на одного изъ друзей своихъ; но теперь я чувствую, что при немъ я не могу быть спокойна, и потому прошу тебя, постарайся, если можно, увилишь меня отъ его присутствія.»

Амалія вышла.

— Браво!—подумалъ Адвокатъ, оставшись одинъ въ кабинетъ, и попирая руками,—дѣло мое въ половину выиграно! Бѣдняжка Альфредъ и не воображаетъ, какъ я здѣсь объ немъ хлопочу. Однако эшаго мало: должно преслѣдовать дѣло безъ остановки—и тогда все пойдетъ на ладъ. Вспуленіе сдѣлано. Теперь слѣдуюшъ доказательсва. Альфреда нынче въ Парижъ не будешь: прекрасно! Я напишу къ Жульеттѣ. Она мнѣ вчера говорила, что нынче въ Оперѣ репетицій нѣтъ: слѣдовательно она дома. Надо, чтобъ жена моя обо всемъ узнала. Какъ бы сдѣлать, чтобъ она узнала? Все равно: придумаю какое нибудь средство. И все это пойдетъ на счетъ Марсея! Ха! ха! ха! Презабавно!

Онъ написалъ нѣсколько спрокъ. Когда записка была запечашана, онъ позвонилъ.

Лакей вошелъ.

— Жоржъ! ошнеси эту записку на улицу Лепеллешье, сей часъ же и проворно.

— Слушаю!

А! это ты, Альфредъ! ужъ вернулся? сказалъ Адвокатъ, увидавъ входящаго своего друга.

— Развѣ ты забылъ, что я обѣщаль женѣ своей привезти музыку?

— И привезъ? Спасибо, другъ!

— Она еѣ не взяла.

— Какъ? Неужели успѣла разлюбить Страніеру?

— Не знаю.

— Страніера? — Такъ, кажется я еѣ назваль?

— Такъ.

— Спранныя названія... Я всегда ихъ смѣшиваю.

— Она приняла меня шакъ холодно....

— Кшо ? Straniera ?

— Нѣшь! Жена швоя. Скажи пожалуйста, что съ ней сдѣлалось?

— Незнаю. Кажешся ничего.

— Спранное дѣло! А я всегда почишалъ ее за женщину съ самымъ поспояннымъ характеромъ, кошорая не можешъ измѣнишься...

— Маленькій капризь! пройдетъ.

— Еслибъ я еще подалъ какойнибудь поводъ... а шо нѣшь! Кажешся я всегда вель себя...

— И брашець! Есть объ чемъ шакъ безпокоишься. Я говорю шебъ, что завпра-же она будешъ совсѣмъ другая.

—Такъ.... прощай до завтра!

— До завтра!

Арписшъ вышелъ; но очень медленно. Онъ былъ невеселъ, задумчивъ и, по видимому, спарался объяснить себѣ причину переменны, копорой не могъ понять.

Просиживая каждый день, почти безвыходно, у своего друга, онъ безпрестанно видѣлъ передъ глазами Амалію и смолрѣлъ на нее съ величайшимъ равнодушіемъ. Мало по малу онъ привыкъ глядѣшь на нее, какъ мы обыкновенно глядимъ на сесшуру. При ней онъ — нисколько не разнѣживался; безъ нее — онъ былъ холоденъ и образъ ея не шревожилъ его сердца, еще незнакомаго съ спрасшью. Но вдругъ

обхожденіе Амаліи съ нимъ перемѣнилось: изъ доброй и снисходительной, она сдѣлалась холодной и сстрогой, и эта перемѣна его чрезвычайно поразила. Чему приписать ее? Онъ искалъ причинъ и не находилъ ихъ. Будучи увѣренъ, что въ настоящую минушу онъ не могъ подашь къ ней поводу, онъ обратился къ прежнему своему поведенію и пересчитывалъ, и пересмашривалъ каждый шагъ свой.

Часпо случается на балѣ, что мы стоимъ возлѣ дамы, и долго не обращаемъ на нее вниманія; но вдругъ она сдѣлаешъ какое нибудь быстрое движеніе, невольно мы оглядываемся, смопримъ на нее приспальнѣй и находимъ шющу прелесшей, кошорыхъ съ перваго взгляду мы незамѣшили.

Арписпъ испышалъ эпо моральное явленіе.

Онъ обрапилъ мысль свою на Амалію; и подобно молніи, она освѣщила передъ нимъ цѣлую каршину, кошорая до шѣхъ поръ скрывалась во мракѣ. Онъ удивлялся, почему прежде не опдавалъ должной справедливости всѣмъ ея блестящимъ качесшвамъ, кошорыя шеперь развершывались предъ его глазами.

Пораженный вдругъ шысячью различныхъ ощущеній, и помышля о не милосши, въ кошорую впалъ, онъ гораздо живѣй почувсшвовалъ цѣну своей пошери и рѣшился, во чшобы шо нисшало, снова пріобрѣсшъ расположеніе женщины, опъ кошорой онъ шеперь немогъ опвлѣчь своей мысли.

— Душа моя! — сказалъ Адвокатъ, входя въ комнату своей жены, — не правда ли, что вечеръ нынче неподобный?

— « Да, хорошъ. »

— Точно въ ясный, Майскій день!

— « Эшо правда. А что? »

— Нѣтъ! я такъ говорю.

— « Признайся: ты сказалъ эшо съ намѣреніемъ... »

— Безъ всякаго. Клянусь шебъ!

— « Лжешь. У шебя была какая-шо мысль. »

— Мысль! У меня! эшого замной никогда не водился... Удивляюсь, что шебъ пришло въ голову меня подозрѣвашь... Я такъ сказалъ, полагая, что ты воспользуешься погодою и пойдешь гуляшь.

— «Нѣтъ! Я не расположена къ прогулкѣ.»

— Напрасно! Я бы и самъ пошелъ, еслибъ не былъ заваленъ дѣлами.... А по нѣкогда! Надо идти въ присущствєнные мѣсша.... видишь: я ужъ приформился и нарядился....

— « Жаль. »

— И очень. Я бы хотѣлъ бытъ на швоемъ мѣсшѣ.... и будь я на швоемъ мѣсшѣ.... Такъ шы не пойдешъ со двора?

Амалия приспально взглянула на своего мужа.

— « Спранно! Ты шакъ меня спрашиваешъ, какъ будшо шебъ надобно, чшобъ я ушла со двора? »

— Кому? мнѣ? Боже сохрани!... скавалъ Адвокашъ съ пришворнымъ смущеніемъ.

— « Не скривайшесь , пожалуй-спа , я все очень ясно вижу....»

— И пы думаешь....

— Я думаю , что пы хочешь еня выжишь изъ дому : швое смущеніе эшо ясно доказываетъ.

— Ну , когда пы шакъ хорошо опгадала мое намѣреніе : нечего дѣлать ! Надо во всемъ признашсь. Точно я бы желалъ бышь одинъ дома на нѣскольго часовъ.

— «Нельзя-ли узнатьъ: для чего?»

— Еслибъ эшо была моя шайна , я бы шебъ попчасъ все оцкрылъ ; но шакъ , какъ она при надлежитъ другому....

— « Вы можете молчать , Сударь ! Повѣрьте , я опъ васъ не пошребую....»

— Ну вошь , шошчасъ и разсердилась !

« И помилуйше, за чшо мнѣ сердисься ? »

— Другъ мой! Я шебѣ повпоряю, чшо эшо не моя пайна... и мой долгъ приказываешъ мнѣ молчашъ....

— « Чшо мнѣ до вашей пайны и до вашего долга ! »

— Мнѣ досадно, чшо эшо шебя огорчаешъ.

— « Ни мало, повѣрьше. »

— Ты хочешъ эшо скрышь опъ меня: я вижу....

— « И видишь очень дурно. »

— Напрошивъ : очень хорошо.... Такъ и бышь, попѣшу шебя, скажу.

— « Непросяшъ ! Сдѣлайше одолженіе.... »

— И такъ слушай. — И въ самомъ дѣлѣ чшо скрываешъ опъ жены? эшо глупо! Жена наша полови-

на, и довѣришь ей шайну, все поже, что никому ее не довѣряшь!... И шакъ, какъ шебѣ очень хочешся знашь....

— «Я вамъ сказала, что я ничего знашь не хочу!»

— Минѣ непріяшно, что такая бездѣлица можешъ разспроишь насъ съ побою.... И шакъ узнай, что Альфредъ....

— «Говоряшь вамъ: я не намѣрена ничего слушашь.»

— Что Альфредъ.... А что? шы вѣрно думаешъ, что онъ шеперь въ деревнѣ? . . .

— «Разумѣешся.»

— Такъ нѣшь! Ошиблась! Эшо проспо хипросшь! Онъ въ Парижѣ! Скажу больше: онъ здѣсь! У меня въ кабинетѣ.

— «Какъ?»

— Да шакъ. Чшо жъ дѣлашь: мы, всѣ люди и должны служишь другъ другу. А онъ къ шому-же мнѣ другъ и просилъ меня на колѣнахъ, могъ ли я ему ошказашъ.

— «Въ чемъ?»

— Дама, объ кошорой я шебѣ нынче упромъ говорилъ.... Но шы нехошѣла слушашь....

— «Ужъ началъ, шакъ продолжай!»

— Я вѣдь говорю объ эпомъ единшвенно для шого, чшобъ сдѣлашь шебѣ угодное.... а если шы не хочешъ....

— «Говори! Какой несносный!... Эша дама....»

— Дама эша уѣзжаешъ изъ Париза. Мужъ везешъ ее въ свои помѣшья. И прежде ошѣзда ей хошѣлось.... проспишься съ Альфредомъ.

— « До сихъ поръ я еще не вижу ничего шакого. . . . »

— Поспой!... Она не могла придти къ нему на кварширу, боясь подашь подозрѣніе... Но къ Адвокашу дѣло другое: шущъ всякой подумаетъ, что она пришла съ нимъ посовѣшовашься... объ какомъ нибудь шяжебномъ дѣлѣ...

— « И она будешь сюда!... »

— Чшо-же дѣлашь! Ошказашъ было не возможно. Опъ шого шю я и хопѣлъ шебя удалишь изъ дому. Еслибъ бѣдняжка Марсей зналъ, что я шебѣ все разсказалъ, онъ былъ бы въ опчаяніи. . . .

— « И шы позволяешь, чтообъ у насъ въ домѣ... »

— Ошказашъ нельзя... дружба имѣетъ свои права!

Въ эту минуу у подъзда оспановилась богашая одноколка, и дама соскочила на крыльцо.

— Видишь-ли? сказалъ Адвокашъ, я шебя не обманулъ! Вошь дама, объ копорой я говорилъ. Поспъшу приняшь ее... Но, ради Бога! другъ мой, не проговорись! и не показывай виду, чшо обо всемъ знаешь.

Адвокашъ, смѣясь внупренно удачному успѣху своей хипроспи, пошелъ на вспрѣчу къ госпши, повель ее въ кабинетъ, и шамъ съ важностію, разсѣвшисъ на диванѣ, облокочясь на руку и опусшивъ подбородокъ между указашельнымъ и большимъ пальцемъ, онъ внимашельно слушалъ, какъ панцовщица, сложа руки и скреспивъ ноги на мягкой, песпррой подушкѣ, рассказывала

ему, что скоро подаспъ просьбу на Директора Оперы, за то, что онъ опказываетъ ей въ нѣкопрыхъ выгодахъ.

Амалия все еще спояла на помъ же мѣспъ, совершенно поперяв- шись въ мысляхъ, копорья во множеспвѣ пѣснились въ ея умѣ. Все, что она шеперь узнала объ Альфредѣ, преврашило накло- носпъ ея къ нему въ какое-то не- преодолимое опвращеніе. Она со- совершенно предалась сему чувсп- ву, для нее споль новому, и безъ боязни ненавидѣла молод- го человѣка, совсѣмъ не подозрѣ- вая, что ненависть часто бива- ваетъ шолько началомъ любви.

Шумъ близкихъ шаговъ человѣ- ка, вошедшаго въ комнашу разбу- дилъ ее изъ глубокихъ размыш-

лений; она взглянула и въ нѣсколькихъ шагахъ ошъ нее споялъ Альфредъ.

При видѣ его, лице ея вспыхнуло: она узнала, что мужъ ее не обмануль. Альфредъ не былъ въ деревнѣ.

— Позвольте мнѣ, Сударыня!... началъ Альфредъ.....

— «Мнѣ кажешся? — прервала его живо Амалія, — «васъ призываюшъ весьма важныя дѣла, и вамъ не должно бы перяшъ здѣсь напрасно драгоценнаго времени.»

— Незнаю, чѣмъ могъ я заслужить такое замѣчаніе, но пошупокъ вашъ со мною показался мнѣ до такой степени справнымъ, что я рѣшился узнать его причины и для шого не поѣхалъ въ деревню, хотя эшо было для меня необходимо.

— «И для этого только вы испались въ Парижѣ?» сказала Амалія съ иронической улыбкой.

— Признаюсь, для этого. Я гововъ былъ сѣсть въ коляску, и тогда только почувствовалъ, что не имѣю довольно твердости уѣхать отсюда. Я вернулся. Можешь бышь я заслужу вашъ гнѣвъ, вашу ненависть, но я долженъ открытъ вамъ мою душу. До сихъ поръ, я встрѣчался съ вами безъ всякаго особеннаго чувства; покидалъ васъ безъ сожалѣнія, можешь бышь отъ того, что я былъ увѣренъ, что скоро опять увижусь съ вами. Но сегодня холодный пріемъ вашъ мнѣ напомнилъ, что можешь наступить такая минута, въ которую я долженъ буду расстаться съ вами навсегда— и я узналъ свое сердце. Я взгля-

нуль въ глубину его, и съ шѣхъ поръ спрадаю ; спрадаю невыразимо, и пришелъ къ вамъ , чшобъ узнашь за какое пресшупленіе вы меня пакъ жестшоко наказываеше? Чѣмъ заслужилъ я вашу холодносшь? вашъ гнѣвъ? »

— « Признаюсь, Г. Мерсей, мнѣ очень спранно , слышашъ ошъ васъ шакой разговоръ ; но я хочу и буду вамъ ошвѣчашъ. Вы жалуетешъ на мою холодносшь? — Но развѣ я дала вамъ право на нее жаловашъся? »

— Сударыня !

— « И если бы шочно я перемѣнилась въ обращеніи съ вами , обязана ли я вамъ объясняшъ причины шакой перемѣны? »

— Обязаны ; чшобъ доказашъ мнѣ мою вину и дашъ средспва ее поправишъ.

— «Но развѣ я васъ обвиняю? Кшо вамъ говорите, что вы виновны?»

— Кшо говорите? — Вы сами! спараясь скрываете опять меня вашу гнѣву.

— «Спало бышь и вы сами сознаетесь, что заслужили опять меня упрекъ?»

— Прежде, чѣмъ я сознаюсь, я долженъ бышь увѣренъ въ моемъ просупкѣ. Ради Бога! скажите: что я сдѣлалъ?

— «Вы непременно хотите это знать? Вспомните о вашемъ поведеніи, и скажите мнѣ, можетъ ли женщина, которая дорожитъ своею честью, которая дорожитъ общественнымъ мнѣніемъ....»

— Я васъ не понимаю.

— «Скажу яснѣе: ваша дуэль...»

— Какъ! вы ужъ знаете?

— « Все знаю. »

— Но могъ ли я посшупишь иначе? Въ моемъ присуществіи оскорбляли честь лучшаго моего друга : вашего мужа.... и мой долгъ былъ за него всшупишься.

— « За кого ? »

— За вашего мужа. Вы мнѣ сказали , что вамъ все извѣстно. Но кто же могъ вамъ объ этомъ разсказать? Вѣроятно не онъ , потому , что я скрылъ отъ него это происшествіе. Нынче упрямъ онъ спарался еще вывѣдать у меня причину дуэля, но я ушайлъ ее.

— « Такъ вы дрались не за женщину ? »

— За женщину? Чшо за мысль!

— « А мнѣ сказали , что вы дрались за женщину.... »

— Какая клевета!

— «Точно? и вы не лжете?..»

— Для чего мнѣ скрывать опъ васъ испину? Я дрался за вашего мужа,.. и полько за него. Но не ужли вы почиаете пресшупленіемъ , что я жершвоваль жизнию за честь моего друга?

—И онъ-по на него клеветещъ! подумала Амалія.

— «Но какъ объяснишь всѣ ваши поступки? . . . Я сама видѣла женщину, копорая сей часъ пріѣхала къ вамъ въ кабріолешкѣ... А пушешесшвіе ваше въ деревню?... пушешесшвіе, копорое вы шакъ искусно придумали....»

— Придумаль! — Я непременно хошѣлъ ѣхашъ! Я долженъ былъ ѣхашъ! И чтобъ увѣришь васъ вполнѣ; я вамъ скажу, что ѣхаль повидашься съ моей машерью, съ

бѣдной моей маперью, копорая пожертвовала послѣднимъ своимъ достояніемъ, на то, чшобъ дашь мнѣ приличное воспитаніе, и копорая шеперь живешъ въ деревнѣ. Я бѣденъ—я аршисшъ! Но я умѣль сберечь кое-чшо ошъ шрудовъ моихъ, и сегодня хошѣль къ ней ошвезшъ маленькое мое вспоможеніе, но я оспался—и оспался шолько для васъ.

Амалія вздохнула.

— Теперь судите сами: кшо любишь васъ больше меня?

— « По эшому женщина, копорую я здѣсь видѣла, пріѣзжала не къ вамъ? »

— Клянусь вамъ : не ко мнѣ !

— « И мой мужъ, чшобъ скрышь собшвенную вину свою... иначе я не могу объяснить его поступка!... О ! эшо ужасно ! »

— Я сказалъ вамъ все, что было у меня на сердцѣ! Я сказалъ вамъ истинную правду.

— «И онъ. . . . Онъ такъ виновенъ! О! еслибъ я могла вполне увѣриться. . . .»

— Вы позволили бы мнѣ ѣздить къ вамъ въ домъ? По прежнему видашь ся съ вами?

— «Еслибъ я увидѣла на дѣлѣ. . . .»

— Вы просили бы мнѣ любовь мою?

— «О! горе ему, если онъ меня обмануль. . . . Но гдѣ взять ясныхъ доказательствъ?»

Послышался шумъ.

— «Замолчите!» сказала Амалия.

Она узнала голосъ своего мужа.

Онъ напѣвалъ арію изъ новой Комической Оперы. Мысль блеснула въ ея головѣ. Она дѣлаешъ Альфреду знакъ, чшобъ онъ молчалъ, и быспро подведя его къ боковой двери, почши насильно вшалаквиваешъ въ маленькій кабинетъ, смѣжный съ ея комнашою. Эшимъ средспвомъ хошѣлось ей вполнѣ увѣришься въ испинѣ.

Адвокапъ вошелъ.

— А ты еще не ушла со двора, мой Ангель?

— «Нѣшъ!» отвѣчала Амалія и коварно улыбнулась.

— Жаль! А время неподобно.

— «Чшо — давишняя дама еще не уѣхала?»

— Нѣшъ еще.

— «А другъ швой?»

— Онъ съ нею. Ты знаешъ, чшо

прешій — бываешъ лишнимъ въ подобной бесѣдѣ...

— « Конечно. »

— И я ихъ оставилъ наединѣ.

— « Такъ Альфредъ шамъ ? »

— Какъ же.

— « Точно? Ты въ эпомъ увѣренъ ? »

— А пы сомнѣваешься ?

— « Нѣшъ. Но мнѣ хошѣлось бы на нихъ взглянушь. »

— Чшо за мысль !

— « Нѣшъ, право.... »

— Полно, вздоръ !

— « Мнѣ очень хочешся.... »

— А приличіе ?

— « Да ; вамъ-шо и говоришь объ немъ, особливо шеперь. »

— Говоришь о приличіи никогда не мѣшаешъ.

— « Конечно, еслибъ пы поль-

ко спарался согласовашь свои поспупки съ языкомъ.»

Она хошѣла выдпи.

— Пересшань дурачишься!—Сказаль Адвокашъ смѣясь — я шебя не пушу....

Амалія еще шагнула впередь.

— Послушай, другъ мой!—сказаль Адвокашъ съ серіозной миной, спановясь передь нею,—подумай хорошенько о шомъ, чпо пы хочешь дѣлашь!

— «Увѣрю васъ, я очень хорошо обдумала, и непременно хочу видѣшь эшу женщину.»

— Но пы ее не увидишь.... за эшо я шебѣ ручаюсь.

— «Нѣшь, увижу!»

— Эшо значило бы нарушишь закѣны госшепрімшва, и я не допушу....

— «Посмошримъ!»

— Нечего смопрѣшь!

— «Посмотрю, какъ вы меня не допустите?» Сказала Амалія и еще шагнула къ дверямъ.

— А вошь какъ!

Сказалъ онъ; быспро выскочилъ за дверь, хлопнулъ ее и заперъ на замокъ.

— «Послушайте! Послушайте!» кричала Амалія изъ со всѣхъ силъ, и колошила руками въ дверь—«Не запирайте! Не запирайте!»

— Хорошо! хорошо!—опвѣчалъ онъ опшуда — я не вижу другога средсва унять тебя, теперь не выскочишь! — Чиножь дѣлашь, другъ мой! Ты сама доводишь ме до эшой крайности! — Не шужи, бѣда не шакъ велика! Ты вѣдь не хопѣла иди со двора... а

сидѣшь дома все равно, какъ бы—и гдѣ бы не сидѣшь. Я только схожу въ присушсшвіе; — а какъ приду назадъ шощасъ — же себя выпущу.

— «Ошопри! Ради Бога! ошопри.... шы не знаешь....»

— Знаю! знаю! Все знаю, чшо шы хочешь мнѣ сказашь! Не нужно! Не шрудись. Я эшимъ дѣлаю одолженіе моему другу, дѣлаю его опъ чиспаго сердца и не хочу, чшобъ ему мѣшали. И шакъ.... до свиданья! Прощай!

И не взирая на крики и просьбы жены, Адвокашъ щелкнулъ замкомъ, вынулъ ключъ и положилъ его въ карманъ.

— Вошъ шебѣ и вспуцленіе и заключеніе! Ай! да я!—подумаль онъ.—Теперь мнѣ нечего бояшьяся пріяшеля Альфреда, пускай себѣ

ѣздишь ко мнѣ сколько душѣ
угодно. Вошъ чшо называешся, дѣ-
ло маспера боишся! Ужъ кшо не
проигрывалъ ни одного дѣла своихъ
кліэншовъ, пошъ вѣрно не дасшь
промаха въ своемъ собсшвенномъ!..
А вѣдь ешъ-же люди, кошорые
ушверждаюшъ, чшо мы пуспо-
мѣли, и шолько умѣемъ запу-
шашъ, да перепушашъ самое яс-
ное дѣло и шеряшъ процессы...
Безумцы! Еслибъ они знали на
примѣръ, чшо я сей-часъ сдѣлалъ!
Признаюсь: я шеперь спалъ со-
всѣмъ другой человѣкъ! и чувсш-
вую, чшо могу рабошашъ вдвое
прошивъ прежняго. — Вошъ чшо
значишь бышь въ покойномъ ду-
хѣ! Ошкуда чшо берешся: и
краснорѣчіе и мысли и сила! Я
увѣренъ, чшо я нынче буду го-
воришь, какъ Ангелъ!

Кшо какъ себѣ не ушверждай, а
 надо согласишься съ эшимъ: чшо
 Сшряпчій съ шаланшомъ и смѣш-
 ливосшью; въ нашъ вѣкъ, можешъ,
 чоршъ знаешъ, до чего дойши!

Vous voyez qu'en ce fait la plus forte ap-
 parence

Peut jeter dans l'esprit une fausse créance.
 De cet exemple-ci ressouvenez-vous bien ;
 Et quand vous verriez tout, ne croyez
 jamais rien.

SGANARELLE. *Coméd. par Moliere.*

**УБИЙСТВЕННАЯ
ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬ.**

РАЗСКАЗЪ

Павла Русе.

1830.

Сердце, которое умѣетъ любить, должно всѣмъ пожертвовашь для любви; но сердце добродѣтельное должно пожертвовашь и любовію для своего долга.

ФЛОРИАНЪ.

Спранны были отношенія Эмили Дорсанъ съ Леонѣмъ Рошуа, дальнимъ ея родственникомъ.

Опшъ самага рожденія — Леонъ дышалъ уже на ладонь; и въ двад-

цапъ чешыре года онъ похожъ былъ на шридцапи-шеспи лѣшняго.

Изъ дѣшсшва боролся онъ съ сильными грудными болями, и если уцѣлѣлъ, то былъ эшимъ обязанъ опчаспи спрогой, воздержной своей жизни; а болѣе нѣжнымъ попеченіямъ и привязанности двоюродной сеспры своей Эмилии Дорсанъ.

Чшо-жъ было основаніемъ эшой примѣрной привязанности? Неужли любовь?

Богъ знаешъ. Самъ Леонъ — не умѣлъ дашь себѣ въ эшомъ опчеша.

Но привязанность обрашпилаась для нихъ въ привычку, — а привычка сильнѣй всякой спраспи, пошому, чшо привычка дѣлаешся по-

пробностью и при томъ по потребности цѣлой жизни.

Все время Леона проходило въ чтеніи и бесѣдахъ съ сеспрою. Онъ безпрестанно сидѣлъ за книгою и только одной Эмили повѣрялъ результаты своихъ занятій, размышленій и мечпаній. Но разговоръ его, часомъ важный и глубокомысленный, никогда не былъ скученъ для молодой дѣвушки. Она, съ своей стороны, также умѣла заинтересовать его вниманіе; даже въ то время, когда говорила ему о новомъ бальномъ платьѣ, кошорое хощѣла себѣ сшить.

Леонъ напередъ опказался опъ всего, что поприсаетъ жизнь и приводитъ ее въ волненіе: опъ всѣхъ заботъ, опъ всѣхъ воспорговъ.

Узникъ своего кабинеша, погружившись душою въ шруды и мышленіе, онъ зналъ свѣшть полько по шѣмъ поняшїямъ, копорыя почерпаль изъ разказовъ Эмилиа.

Каждый вечеръ Эмилиа, блиская красой и уборомъ, при немъ ошправлялась на балы и въ спекшакли.

Онъ хвалилъ ея наряды, съ важносшїю шолковалъ о шомъ: идешь ли пунцовой цвѣшокъ къ бѣлому плашью, и на другой день выслушивалъ ея разказы объ удовольствїяхъ вчерашняго вечера, объ ея побѣдахъ, ея хипрошпахъ, обо всѣхъ эшихъ мелонахъ, годныхъ для романа; но въ копорыхъ для свѣта выражаешся вся Испорїа челоувѣческаго сердца.

Онъ былъ спокоенъ, и даже счастливъ, пошому, что ограничился небольшимъ числомъ предметовъ, копорые ему нравились; а на оспальное глядѣлъ шолько чрезъ посредство Эмили: она была для него призмою, копорая на все изливала свой собственный свѣтъ и все украшала цвѣтами радуги.

Хошя Леонъ и находилъ иногда въ глубинѣ сердца своего нѣкопорыя изъ шѣхъ огорченій, копорыя мы всѣ испышаемъ на землѣ; но онъ почишалъ себя счастливымъ, и желалъ шолько одного: чшобъ жизнь его никогда не измѣнялась въ своемъ однообразіи.

Можешь бышь, привязанность его къ Эмили не заронила искры въ груди ея, но онъ зналъ,

что не было смершнаго , кошо-
рый имѣлъ бы надъ ея душею
болѣе власпи , чѣмъ онъ .

Между шѣмъ время шло , и
что-то шепшало Леону , что до-
ра ему заняшь прочное мѣсто въ
сердцѣ Эмилии , если онъ нехо-
чешъ , чшобы заняли его другіе .

Г-жа Дорсанъ ; мамъ Эмидіи ,
зная , что Леонъ и богашъ и до-
вольно знашенъ , не разъ споро-
ною заводила при немъ рѣчь о
своей дочери , какъ о невѣсшѣ ,
но Леонъ всегда молчалъ ; онъ не
хошѣлъ , чшобъ Эмилиа была боль-
ничною сидѣлкою : онъ не хошѣлъ
превращишь эптошь прекрасный
цвѣшокъ въ лѣкаршвенную пра-
ву ; къ шому же не довѣрлялъ сво-
имъ жизненнымъ силамъ и боял-
ся , что не перенесешъ всей пол-
нопы своего благополучія .

Вдругъ явился высокій мужчи-
на, съ правильными чертами ли-
ла; одинъ изъ пѣхъ людей; ко-
порыхъ друзья обыкновенно на-
зываютъ: *прекраснымъ мальмъ*,
а враги—(если они ихъ имѣютъ)
пустымъ челомъ.

Онъ былъ спешенныхъ лѣтъ,
имѣлъ хорошій доспапокъ, и не-
завидный умъ: онъ вообразилъ
себѣ, что влюбленъ въ Эмилию и
спалъ за нее свапашья.

Не было особенныхъ причинъ
принять его предложеніе; не было
пакъ-же причины опказашъ ему;
но вошь бѣда: Г-жа Дорсанъ
ужасно боялась, что дочь ея за-
сидишя въ дѣвкахъ.

Правда: Эмилиа была еще мо-
лода; но она легко могла замѣ-
шишь, что годы ея жизни начи-

наюшъ превышаюшъ *тысячи* приданаго: другой близкой надежды на замужество не предвидѣлось: и ей пришлось выбирать между Леономъ и Г. де Каспилли.

Г-жа Дорсанъ снова сдѣлала намекъ Леону, опять спорною; но гораздо яснѣе чѣмъ прежде. Эмилия старалась пояснить его еще болѣе. Не скажу, чшобъ она была влюблена въ Леона; но зато она его не боялась и охотнѣе пошла бы за друга дѣшсшва, чѣмъ за посторонняго. Она откровенно призналась въ этомъ Леону и наивность такого признанія ни мало не убавило ей цѣны въ глазахъ двоюроднаго брата.

Мучительная нерѣшишельность раздражала душу Леона.

Онъ любилъ Эмилию шакъ, какъ можно шолько любить на землѣ, но чувствовалъ, что бракъ ея нанесеть ему смѣръ, а ее лишитъ счастья.

Онъ зналъ, что женившись на ней значитъ для него все шожь, что вести ее къ олшарю вдовою, или на цѣлую жизнь приковашь это милое, свѣтлое существо, созданное для украшения свѣта и его праздниковъ, къ болѣзненному одру спиральца, къ смертному изголовью опходящаго, слишкомъ узкому для двухъ головъ.

И не смотря на шо, онъ могъ сдѣлаться ея мужемъ: ему споило просянуть, руку и она встрѣпилась бы съ ея рукою.

И сколько онъ ни разсуждалъ съ самимъ собою; сколько при-

чинъ ни опыскивалъ, ему казалось безразсуднымъ : имѣшь возможность обладашь Эмилиєю, и не воспользовашься ею.

Мысль объ этомъ благополучіи наполняла грудь его какимъ-шо одушевленіемъ ; блѣдныя щеки его на минушу покрывались яркимъ румянцемъ ; кровь быстрой струєю лилась въ его жилахъ, онъ бодро приподнималъ голову и восклицалъ съ возспорженнымъ безумствомъ, которое почипалъ силою :

— « Я мало жилъ ! Я еще молодъ : мнѣ двадцать пять годъ ! Ошъ чего мнѣ не бышь мужемъ Эмилиіи?... »

Но вдругъ болъзненное содроганіе, и сухой воспаленный кашель — вспоминали ему, что не

шошь спаръ , кшо прожилъ мно-
го лѣтъ , но шошь , кшо ближе
подвинулся къ гробу.

Онъ выпросилъ чешырнадцать
дней сроку , чшобъ обдумашъ дѣ-
ло и дашь рѣшишельный опвѣщъ.

Онъ его не даль , пошому , чшо на
пашнадцашый день лежалъ безъ
памяши въ сильной горячкѣ.

Г-жа Дорсанъ узнала о шяжкой
болѣзни Леона....

Г. Каспили повшорилъ свое
предложеніе....

Оно было приняшо.

День свадьбы назначень.

Ихъ обвѣнчали.

Не знаю , ошъ пого-ли , чшо
Эмилія долго невидала Леона , по
причинѣ его болѣзни , или ошъ
шого , чшо новоспъ ея положенія

заняла и развлекала ее, но двоюродный братец былъ ею забытъ — на время.

Эмилія была умна и образована, общесство новаго сожителя скоро ей наскучило: онъ только умѣлъ бытъ *мужемъ*, а этого недоспащочно для ума и сердца, и по потребности свиданія съ Леонемъ сдѣлалась для нея оцупишельною.

Пора!

Надо было воззвать его къ жизни.

Долго спрадалъ Леонъ мыслію, что онъ забытъ, и наконецъ рѣшился безъ бою покориться смершельному врагу, кошораго пишалъ въ груди своей. Хроническая болѣзнь его сдѣлала значительные успѣхи: слабосшь ошъ прошедшей борьбы и наспоящее его

опчаяніе придали ей еще болѣе ходу.

Ему говорили, что онъ не умреть; но онъ почипалъ докшоровъ обманщиками. Чшобъ повѣришь своему изцѣленію, ему нужно было учасшіе Эмилиі....

И вопшь—онъ получилъ опъ нея письмо.

Какъ удивительна! Какъ непоспижима человѣческая природа въ обилии своихъ испочъниковъ!

Кому изъ насъ, въ продолженіи жизни, не доспавалось бышь въ шакомъ положеніи, гдѣ всякая надежда кажешся горькою насмѣшкою; гдѣ на небѣ, завѣшенномъ черными шучами, не просвѣчиваетъ ни одного лазурнаго мѣспечька, обѣщающаго вѣдро; гдѣ человекъ почипаетъ себя несча-

спнымъ вполнѣ и навсегда; гдѣ даже шеряется самая увѣренность въ помощи Провидѣнія ?

Но вдругъ — какой нибудь неожиданный лучъ продираешь за вѣсу мрака; какая нибудь забытая надежда взойдешъ на землю. . . . и чтоже ? — Мозгъ нашъ проясняешся, кровь опять начинаешъ волновашься, и сердце, копорое было оспановилось на вѣки, снова бьешся часшо и пылко.

Точно шакое дѣйствіе произвело на умирающаго Леона ошрадное письмо Эмилиі.

Болѣзнь не позволяла ему въ шу же минушу лепѣшь на свиданіе съ нею; но вскорѣ, не смошря на свою слабосшь, — онъ былъ ужъ на ногахъ, и былъ въ ея домѣ.

Они свидѣлись.

Онъ нашель ее блѣдною и груспною. Она сдѣлала значительный шагъ въ жизни, и эпошъ шагъ не привель ее къ благополучію.

Она замѣпила въ Леонѣ какое-шо новое чувспво; чувспво мрачное, глубокое и вмѣспѣ съ шѣмъ сладосшное; чувспво, кошорое выше всѣхъ обыкновенныхъ наслажденій. Леонъ слабый, изможденный на ея голосъ возспавшій изъ гроба, какъ новый Лазарь, примѣшно спаль оживашь опѣ звука словъ ея, опѣ блеска ея глазъ.

Онъ слышаль, какъ рука Эмили дрожала въ его рукѣ; онъ чувспвоваль, чшо какое-шо умиле-ніе разлилось по всему его шѣлу въ видѣ огненнаго шрепеша, и

ясно понялъ, что въ эпомъ самомъ умиленіи Господь Богъ соединилъ для него, слабаго и опечужденнаго, всѣ наслажденія земной любви.

И дружба ихъ снова завязалась.

Такъ прошли два года.

Въ эшо время Эмилія дѣлила заботливоспъ и любовь свою между мужемъ и Леономъ, и на Леонову долю приходилась большая часпъ.

Если могутъ бытъ связи, которыя свѣспъ долженъ уважашъ, то конечно связь Леопа съ Эмиліей принадлежала къ ихъ числу.

Но уважаешъ ли свѣспъ хопя что нибудь?

Можепъ ли эша огромная Академія сплешней и развраша, которую называюпъ у насъ *обще-*

ствомъ, не преслѣдовавъ дерзновенныхъ, копорыхъ самолюбіе вышло изъ общаго круга низкихъ и суешныхъ ея исканій, и копорые осмѣливались вкусить счастье не руководствуясь ея правилами?

Моженъ ли она не излишь своего негодованія на все чистое и благородное?

Моженъ ли она не покрыть мракомъ своихъ приличій всякое чувство, копорое возвышается до идеала любви и блаженства?

Нѣтъ.

И пушь началось съ того, что всѣ спали шепшашъ другъ другу на ухо: «вы замѣтили?... «скажите пожалуйста, что бы это значило?»... «Право странно!... Нѣтъ! откинувъ въ сторону

злорѣчіе, можно подумать.»... Попомъ начали говорити вслухъ: «*Да это всѣмъ извѣстно.... и! можно ли въ этомъ сомнѣваться?.. Надо быть слѣпымъ, чтобъ не видать....* А шамъ всѣ спали кричашь: «*Э! да это старые грѣхи!*»... «*Голубки вмѣстѣ вскормлены*»... «*А знаете ли вы, какъ они сошлись?*»... И пущь начинался испорическій разсказъ шайныхъ связей каждаго изъ членовъ ихъ семейства начиная съ перваго до послѣдняго. И кончилось шѣмъ, что одинъ услужливый пріятель заговорилъ объ эшомъ съ самимъ мужемъ.

Сей послѣдній, будучи ближе всѣхъ къ предмѣшамъ общаго злорѣчія, не могъ ему повѣрити; но онъ былъ радъ, что нашелъ наконецъ случай, ошмспити Ле-

ону за преимущесшво , кошорое умомъ и образованносшю онъ пріобрѣлъ передъ нимъ въ глазахъ Эмилиі.

Однажды, когда Леонъ сидѣлъ съ его женою за форшепіанами, Каспили вошелъ и попросилъ его къ себѣ въ кабинетъ.

Безъ лишнихъ предисловіі онъ началъ съ нимъ ошкровенный разговоръ.

— «Любезный Леонъ! — сказалъ онъ ему, мнѣ очень жаль, а мы должны разсшашься.»

— Разсшашься! — За чѣмъ?... спросилъ Леонъ, блѣднѣя.

— «За шѣмъ, чшо въ свѣшѣ идушъ дурные шолки обѣ вашихъ ошношеніяхъ къ моей женѣ.»

— И вы имъ вѣрише?...

— « О, нѣшъ! но я долженъ повиновашься свѣшу, хошя онъ не спра-

ведливъ. Здоровье ваше распрое-
ено: Баденскія воды могли бы
вамъ помочь, и я полагаю....»

— Вы ошибаешься, — опвѣчалъ
Леонъ, — я знаю: дни мои со-
чпены, конецъ мой близокъ, и въ
цѣломъ мѣрѣ нѣшь средсшвъ оп-
срочишь урочнаго часа.... Но по
крайней мѣрѣ мнѣ дана возможносшь
не сдружисья преждевременно съ
могилой, а вы хошите опнять у
меня эшу возможносшь....

— « Спало бышь пребываніе ва-
ше здѣсь, для васъ дороже всего
въ жизни? — Вы заспавляете ме-
ня повѣришь свѣшскимъ пол-
камъ. »

— Я никогда не лгаль: все мое
сущесшвованіе основано на привыч-
кахъ; и первая, и важнѣйшая изъ
нихъ сосшоишь въ шомъ, чшобы

любиль жѣну вашу , шакъ , какъ брашь любиль сеспру свою , можешъ бышь , *больше* , но не иначе . Клянусь вамъ въ эпомъ передъ Богомъ правосуднымъ , а не передъ людьми , кошорые всегда охопнѣ вѣрашь злу . Опниашъ у меня часпицу привязанности , кошорую удѣляешъ мнѣ Эмилиа , и кошорая нисколько не нарушаешъ вашихъ супружескихъ правъ , значиль опниашъ послѣднюю опору у несчастнаго , кошорый едва влачился и на каждомъ шагу гошовъ упасшь . Вы знаете , я могъ на ней женишься прежде васъ . Я эшого не сдѣлалъ : я вамъ успуниль первенство....

— « Конечно эшо правда.... любезный Леонъ ! и я вамъ охопно вѣрно... но.... видише-ли : свѣтъ ! шолки ! злорѣчїе ! . . . и чего вамъ

споишь уѣхашь на годъ? — На одинъ полько годъ! — Я больше не шребую!»

— «На одинъ годъ!»—вскричалъ Леонъ. — «Годъ! Цѣлый годъ не-видашь ея!... Спросише у цвѣшка, проживешь ли онъ годъ безъ солнца?... Нѣшь! я увѣренъ, что вы не захопише умершвишь меня.... Подумайше! — Я буду ждашь вашего опвѣша?... Вы гошовишесь совершишь преспуленіе.... Подумайше!

Онъ вышелъ.

Касшилли оспался одинъ, и въ совершенной нерѣшимости, какъ всѣ люди, кошорыми управляюшь другіе и въ кошорыхъ нѣшь ни капли собсшвеннаго характера.

Но вскорѣ онъ опяшь вспрѣшил-ся съ услужливымъ своимъ прія-

шелемъ : пошъ возбудилъ въ немъ самолюбіе ; а самолюбіе всегда уносишь побѣду надъ всякимъ чувствомъ.

И такъ Каспили написаль къ Леону письмо , въ кошоромъ объявилъ , что вопреки своего желанія , онъ долженъ наспоишь на своемъ пребываніи , и хопя почишаешъ его чеспнымъ и благороднымъ человѣкомъ , но , изъ уваженія къ свѣшскимъ приличіямъ , находишся принужденнымъ заперешъ ему дверь своего дома , если онъ не согласишся уѣхашъ добровольно.

Леонъ , безъ малѣйшаго ропоша , велѣлъ все пригошовишь къ опѣзду , и пошелъ проспишься съ Эмилией , такъ , какъ обыкновенно прощающся съ родными передъ послѣднимъ ихъ вздохомъ.

Нельзя выразишь негодованія Эмилии, когда она узнала, что въ свѣшѣ безспыдно клеветуе на челоуѣка, кошораго свѣш-ную душу и рѣдкую привязанность она пакъ хорошо поняла и оцѣнила; что порицающъ связь, кошорая спасла ее отъ всѣхъ блестящихъ и упоительныхъ обольщеній, кошорыми окружали ее въ эпомѣ самомъ свѣшѣ.

— « Мужъ мой не въ силахъ осудишь васъ на изгнаніе, говорила она, онъ не можешъ разъединишь сердце нашихъ. Я люблю васъ какъ браша, съ пѣхъ поръ, какъ спала себя помнишь.... и мы не расшанемся, пока любовь сія не угаснешъ вмѣстѣ съ жизнью! Я буду принимаешь васъ прошивъ его воли. »

— Нѣтъ—опвѣчалъ Леонъ. Все счастье любви нашей состояло въ ея безопасности и тишинѣ: и то и другое нарушено, и у меня не останешъ силы, чѣмъ оспоришь права свои со шпагою въ рукѣ.

— «Такъ я заставлю его переменить намѣреніе другимъ средствомъ.» Сказала Эмилія.

Но напрасно она надѣялась.

Необдуманная, хопя и невинная горячность, съ кою она защищала Леона, породила въ мужѣ ея подозрѣніе шогда, какъ онъ видѣлъ шолько одну возможность. Она открыла обильный источникъ домашнихъ неудовольствій и недоразумѣній—безъ всякой пользы для Леона.

Леонъ уѣхалъ, не взирая на слезы и просьбы Эмиліи:

Онъ отправился, по совѣщю Каспили, въ Бадень на воды....

И почемужь бы не шакъ, въ самомъ дѣлѣ?

Но съ шѣхъ поръ здоровье его ушекало съ каждымъ днемъ и примѣшнымъ образомъ.

Онъ чувшвовалъ облегченіе шолько въ шѣ дни, когда приходила почша: въ эши дни онъ надѣялся получишь письмо ошъ Эмилиі. Если онъ шочно получилъ письмо: шо радосшь поддерживала его на нѣсколько дней въ одномъ положеніи; если не было письма: шо изнеможеніе и слабосшь снова имъ овладѣвали.

Но посланія Эмилиі часъ ошъ часу спановились рѣже, и здоровье Леона часъ ошъ часу хуже.

Наконецъ одно изъ ея писемъ шакъ долго замѣдлилось, чшо

почти опоздало: Леонъ могъ только прочищать адресъ, но былъ не въ силахъ сломить печати.

Сама смерть была къ нему соспрадашельна, она оспановила его во время: письмо эшо было холодно и принужденно; оно убило бы его, пуще болъзни.

Но ошъ чего-жь оно было холодно и принужденно.

Сказашъ ли вамъ правду?

Или не разочаровывашъ васъ въ поняшii, кошорое вы, можешъ бышъ, соспавили себъ о сердечной привязанности Эмилии къ Леону? —

Привязанность Эмилии, хошя глубокая, искренняя, была ничшо иное какъ дружба.

По ошъъздѣ Леона, Эмилиа спала искашъ развлеченiя въ большомъ свѣшѣ и вскорѣ вспрѣши-

ла въ немъ молодаго челоуѣка, полного жизни, ума и спраспи. Она вспрѣшила его въ шу минушу; когда ей казалось, что права мужа выразились надъ нею съ излишнимъ самовласшіемъ; въ шу минушу, когда онъ опнялъ у нея возможносшь связи, кошорая занимала, уцѣшала и разнообразила жизнь ея.... въ сердць ея оспауалась пустоша — и эпу пустошу ей надо было пополнишь....

О прикрашы мудрый и блаженный мужъ!

Къ чему послужима тебѣ убійственная твоя предосторожносшь? И что купилъ ты себѣ цѣною челоуѣческой жизни?

АУКЦИОНЪ.

АМЕРИКАНСКАЯ ПОВѢСТЬ.

1808.

1808.

I.

В Р А Ж Д А .

Ужасные нравы! безчеловѣчные
нравы!

Но еслибъ вы видѣли эшопъ
край? Безоблачное небо; воздухъ
чистый и прозрачный; природа
просная и невинная, какъ въ первые

дни шворенія: а человекъ преданъ спрашямъ палящимъ, какъ его солнце, бурнымъ, каку ураганы опуспощающіе его поля и жнива.

Европеець нашель пушь въ эпу страну. Европеець ненавидишь шуземца. А ненависшь Европейца непримирима.

Кшо не видалъ мирнаго жилья поселенцевъ на берегу моря, ихъ горъ засѣянныхъ кофейникомъ, ихъ сахарныхъ шроспниковъ, опываемыхъ неумолчною волною, шощь никогда не поймешь воешпорговъ наблюдашеля, кошорому природа являешся во всей роскоши и красощь своей подъ благословеннымъ небомъ шропиковъ. Чшо можешь бышь прекраснѣе кофейной рощи, одѣшой душистымъ покровомъ весны, когда надъ ней зыблюшся песпрыя облака мопыльковъ и

колибри, копорыя прилешѣли за нектаромъ бѣлыхъ цвѣповъ и тысячекратно мѣняющъ на солнцѣ своенравныя свои формы и цвѣты: лазурь, золошо и яхоншъ блещущъ на нихъ; какъ будшо въ переливахъ радуги.

Кое гдѣ высокій писангъ разбросалъ широкое свое лисшвіе, и склонивъ надменную свою вершину, съ гордостію глядишъ на маковки кофейницъ.

Явленія очаровашельны!

И посреди эшой магической природы, черный шуземецъ суешишся, рабошаешъ въ пошѣ лица, задыхаясь подъ шягосшью знойнаго полдня, и сокращаешъ жизнь свою для обогащенія жаднаго креола.

Какъ велики должны бышъ спраданія шѣхъ, у кого подъ черной

или смуглой грудью бьется чело-
вѣческое сердце!

А еслибъ они могли взвѣсиль все
бремя проклятій, кошорья шяго-
шьюшъ надъ ихъ поколѣнїемъ! Бо-
же! мой Боже! они были бы не-
счастнѣе изгнанниковъ рая!

Таковъ былъ Жан-Поль, жив-
шій при Махайскомъ заливѣ.

Махайское поселеніе, занимаешь
сѣверо-восточную часть Гваделу-
пы, и состоить изъ двухъ или
шрехъ рядовъ низкихъ рыбацкихъ
домиковъ и нѣсколькихъ ошшель-
ничьихъ хижинъ, разбросанныхъ
по скаламъ. Эшо Гибральшаръ или
островъ Св. Елены въ миніашю-
рѣ. Кое-гдѣ дымяшся волканы.
Влѣво водопадъ прососалъ сердце
скалы и льется шумною радугой.
Съ береговъ моря поднялась крушая
дорога и змѣишся до самага селенія.

Океанъ въ виду.

Въ Махайскомъ поселеніи были двѣ дачи, смежныя и почти совершенно одинаковыя. Одна принадлежала Сіеру Монрошу, другая Жан-Полю.

Въ обѣихъ природа была равно распочишельна; оранжевыя деревья разливали одинакое благовоніе; плоды ихъ имѣли одинаковой бальзамическій вкусъ. Тоже небо; шаже земля. Не смопря на шо, между обѣими дачами пролегла непреодолимая преграда: *предразсудки поселенія!* Сіерь Монрошь и Ж.-Поль ненавидѣли другъ друга.

За чшо-же?

У одного кожа была смуглая, у другаго бѣлая.

Ж.-Поль спалъ мраченъ и задумчивъ. Часныя обиды и гор-

доспъ Сіера Монропа возбуждали въ немъ негодованіе. Неукропимая дерзоспъ эпого человѣка, жестпоко-сердіе, а болѣе всего наглыя при-шязанія на права и преимущеспва своего поколѣнія, никогда не согласовались съ законами здраваго разсудка и человѣчеспва. Немило-сердый деспоспъ надъ рабами, онъ вмѣспѣ былъ и дурнымъ опцемъ.

Всѣ паршіи, кошорыя предспав-лялись единспвенной его дочери Юліи, были имъ опшвергнушы. Всегда находилъ онъ шысячу при-чинъ, и всегда гордоспъ была одной изъ главнѣйшихъ.

Но прежде, чѣмъ опецъ подумаль о замужеспвѣ своей дочери, она ужъ опдала свое сердце молодому креолу, кошораго единспвенный порокъ была бѣдноспъ. Порокъ не-

проспешельный въ глазахъ Монроша! Но любовь Юліи оспавалась непроницаемою пайной для всѣхъ, а въ особенноти для ея опца. Онъ убилъ бы ея безъ милосердія, еслибъ узналъ эту шайну.

Однажды Сіеръ Монрошъ воропился домой въ бѣшенствѣ. Лице его пылало, глаза сверкали, какъ два шлѣющіе угля; онъ кинулъ сѣрую шляпу свою на полъ, и шакъ сильно ударилъ палкой по сполу, что спаканы съ холоднымъ пуншемъ, для него пригошовленные, задрезжали и расплескались по подносу; онъ едва могъ говорить и задыхался на каждомъ словѣ.

— « Дерзкій Мулашъ! Пройдши мимо меня и не пошевелишь шляпою! » —

И онъ ходилъ взадъ и впередъ большими шагами. —

«Чоршъ возми, эшо уже слищкомъ!» —

И онъ осушалъ спаканъ за спаканомъ. —

«Да какъ я не вышнянулъ его хорошенько по спинѣ моею бамбуковою просшью?» . .

И брови его хмурились

«Посшой же! Я шебя проучу!» —

Тупшъ допилъ онъ шесшой спаканъ пуншу. . . .

III.

СКАЧЬКА.

На концѣ мыса давались лошадиныя скачки, блестящія, веселыя.

Все кончилось.

На обширномъ Сшивенсонскомъ лугу толпа негровъ плясала бамбу-

лу подь грохошъ барабановъ. Спорщики и перескачьники собрались послъ бѣга въ красивой палашкѣ, раскинушой среди рисшалища на песчаномъ возвышеніи.

Злобный геній привель шуда Жан-Поля. Онъ подьѣзжалъ въ эпо время къ рогашинѣ. Гнѣдой конь его взвился и быспрѣе молніи перескочиль черезъ барьеръ.

« Чоршъ возьми! » закричалъ хриплымъ голосомъ Монрошъ, приспавя ладонь ко лбу. « Такъ ли я вижу, господа? Кажешся, Мулашъ Жан-Поль прискакаль на наше поле? »

« Да! эпо онъ! » заговорили другіе.

« Надо надъ нимъ позабавишься... Впередъ друзья! на коней! »

И вмигъ всѣ выбѣжали изъ подь намеша, бросились на коней и взвились, какъ шридцашъ спрѣль,

спущенныхъ въ одно время съ шепивы.

Разгоряченная виномъ и конской быспрошою, разгульная орда, со смѣхомъ и воплемъ налешѣла на изумленнаго Мулаша, какъ шуча яспребовъ, какъ сшая алчныхъ волковъ.

«Господа!» сказалъ хладнокровно Жан-Поль: «Васъ много, я одинъ. Вы гордишесь своею силой? Я поглядѣлъ бы, кшо изъ васъ поодиначкѣ рѣшишся преградишь мнѣ дорогу?»

«Вызовъ!» возопили бѣлые: «Дерзкій вызовъ!..»... Невольно шпоры Сіера Мёнроша вонзились въ коня; онъ вылешѣлъ изъ шолпы; подскочилъ къ Жан-Полю; и рѣзкій ударъ его ладони раздался на загорѣвшейся щекѣ Мулаша.

«Браво!» закричали бѣлые, и

громкій хохотъ пробѣжалъ по шолпѣ.

Въ Европѣ одинъ изъ нихъ умеръ бы на мѣспѣ, поруганный, исперзанный, расшопшанный конскими ногами; но Ж.-Поль не Европеецъ: пяшь пальцевъ бѣлѣлись на его багровой щекѣ, а онъ молчалъ и быспро погналъ по Сшивенсонской долиниѣ.

Но пощечина невыносимое бремя. Она давишь человѣка свинцовымъ гнепомъ безчестія. Чшобъ сгладишь пяшно, надо омышъ щеку кровью своего прошивника. Ж.-Поль понялъ эту мысль; но какъ доспашъ такой крови? Поединкомъ? Бѣлый неспанешъ драпья съ Мулапомъ: онъ его презираешъ. Къ помуже поединокъ ешь пресшупленіе, кошорое преслѣдуешъ законъ! Такъ огнемъ!...

Кинжаломъ!... Ядомъ!... А низоспъ злодѣйсва? — Но можноль жишь, не изгладивши пощечины? Какъ чувсвовашъ на щекѣ своей вѣчный огонь враждебнаго удара? Какъ, среди довольсва и счастья, спыдишься самага себя? Какъ обняшь красавицу съ эшой опозоренной, пылающей щекою? Почувсвовашъ на ней поцѣлуй жены, и бояшься ея презрѣнія? Нѣтъ! эши мученія спрашнѣ всѣхъ мученій ада!

Доѣхавши до гавани, Ж.-Поль нашель поромъ, кошорый переправлялся чрезъ Махайскій заливъ. Ж.-Поль привязалъ свою лошадь и занялъ мѣсто на поромѣ.

Луна рдѣлась на небѣ, волны серебрились, вѣсперь пришихъ. Все почивало, и бичъ недремлющихъ

планшажеровъ дремалъ въ бездѣйствіи.

Ж.-Поль сидѣлъ на кормѣ, мрачный и задумчивый. Одна мысль занимала его голову; какъ зловѣщій демонъ, носилась она передъ его душею: онъ обнималъ ее съ воспоргомъ, ушопалъ въ ней всѣмъ сущесствомъ своимъ.... И эта мысль... была сладкая, ушѣшишельная мысль—о мщеніи...

III.

Т А Й Н А .

Въ полночь поромъ причалилъ къ узкой губѣ Махайскаго залива.

Все было мертво; все спало. Волны съ плескомъ ударились о берегъ; вдали раздавался гулъ и го-

воръ водопадовъ ; однообразный , какъ заунывная пѣсня надъ колыбелью ребенка. Кой-гдѣ мелькали еще огни , разложенные неграми , опъ комаровъ и саранчи. Пожирющее пламя бессонницы жгло душу Ж.-Поля. Онъ шель вдоль берега : ему нужны были уединеніе и ошдыхъ.

Повыше Махайской губы , декорация берега совершенно перемѣняетъ видъ свой. Тупъ нависли дикія скалы ; шамъ разбросаны шамаринды , пальмы и чинары , высокіе и ;крѣпкіе , какъ наши европейскіе дубы ; а вошъ рядомъ съ ними сшопшъ семья манцениловъ ; они обнялись вѣшьями ; ихъ зелень роскошна , цвѣшы прекрасны , плоды приманчивы . . . Но , пушникъ , куда шы ? . . . Оспановись!... Не подходи къ нимъ шакъ

близко. Подъ эпой прохладительной шѣнью кроется измѣна; въ эпихъ пурпурныхъ цвѣсахъ, въ эпихъ круглыхъ, благовонныхъ плодахъ, блеспишь и зрѣешь смершоносная оправа. Самый воздухъ, лелѣющій ихъ вѣшви, разносишь зародышь смерпи. Эпо другъ, кошорый, съ улыбкой на устахъ, подаешь шебъ кубокъ шербепа, смѣшаннаго съ ядомъ. Туземець обойдешъ ихъ на двѣ вершы.

Тупъ берегъ взвился надъ водою; крушая извилистая пропинка опоясала пропасть; Ж.-Поль осшановился. Вдали послышался шелесъ шаговъ; они приближались къ нему. Онъ сѣлъ на обрывѣ скалы и слушалъ. Вошъ раздался шопошъ... все громче и ближе. Ж.-Поль

спалъ весь вниманіе и глаза его загорѣлись дикимъ огнемъ.

« Нѣтъ ! я не ошибся . . . Эшо голосъ Юліи Монрошъ ! Въ полночь . . . въ ущелинѣ . . . Съ нею мущина ! . . . Свѣтъ ! свѣтъ для моего мщенія ! »

Жан-Поль прилегъ къ землѣ и прясся всѣмъ шѣломъ , какъ Бразильскій шигръ , почувшій добычу . Жадно ловилъ онъ каждый шорохъ . . .

Долгое молчаніе . . . пошомъ близкій вздохъ . . .

А ! вошъ они . . . я слышу все : они разговариваюшъ . . .

— « въ моей любви ? »

« Могу ли я въ ней усомнишься ? »

— « Гдѣ же ты оставилъ лодку ? »

« За эшой скалою , не далеко ошъ манцениловыхъ деревъ .

Тамъ безопасно : къ нимъ не всякой подойдетъ. Однако, Юлія! намъ пора разсѣяться. Поцѣлуй на прощаньи и воровись домой!...

— « Нынь! еще рано... я провожу себя до лодки. »

« Такъ спустимся по этой пропикѣ. »

« Идушъ! идушъ! » прошепсаль Ж.-Поль. « Адъ и проклятіе! Я узнаю ихъ шайну! Прекрасная находка! Безподобная находка! Тамъ, сказалъ онъ — за эшими манценилами! Хорошо! « —

И онъ поползъ по холодной землѣ... изгибался и цѣплялся по скаламъ, какъ змѣя, бѣгущая въ нору свою. Онъ достигъ до ядовищаго шашра, образуемаго манцениловыми лиспьями, и сердце его разсупалось въ воспоргахъ дикой ра-

доспи. Сладки горе и спраданіе, когда ихъ покупаешь цѣною мщенія!

« Не поскуй, моя Юлія! все поправишься. » . . .

— « Другъ мой! а малюпка наша? Мысль о ея будущности меня убиваетъ. Неужли дочь наша выросшешъ среди невѣжесшвенной шолпы негровъ? »

« Нѣшъ! я найду средшва. . . . доспану денегъ и куплю Юдию съ ея мнимой дочерью. »

— « Услышь шебя Господь! »

А слушалъ демонъ: Ж.-Поль улыбнулся. . . .

Къ разсвѣшу Ж.-Поль ворошился домой.

Лице и грудь его были въ крови, голова опукла: ядъ манцениловъ дѣйшвовалъ.

Онъ легъ въ постелю. Холодный

потъ разливался по его шѣлу, по-
крышому кровью и ранами, а вну-
шренность пылала, какъ будто не-
видимая рука раздувала въ ней го-
рячіе уголья. Въ ушахъ непре-
сшанно звенѣло, грудь и сердце
разрывались....

Но Ж.-Поль смѣялся: лѣкарь увѣ-
рилъ его, что онъ останешся
живъ.

IV.

МЩЕНІЕ.

Въ колоніяхъ довольство быва-
ешъ часно предзнаменованіемъ ни-
щеты.

Значительныя поперы, раз-
спроенные проэкты, заспавили
Монроша продашь свою дачу.

Юлія сидѣла въ своей комнашѣ. Она мечшала о будущемъ: объ ушѣшеніи и счасшіи.

Юдиѣъ , старая , вѣрная Юдиѣъ вышивала въ пальцахъ.

На раскинушомъ, песшромъ коврѣ, играла маленькая дѣвочка краснощекая , бѣлокурая и босоногая.

Монрошѣ вошелъ.

— «Юлія ! дѣла мои разспроились : нашѣ домъ и дача будушѣ проданы съ публичьнаго шорга.

« А ваши Негры ? »

— Я ихъ продамъ. —

« Всѣхъ ? »

— Разумѣшся. —

« Такъ мы уѣдемъ ошсюда ? » спросила Юлія и голосъ ея дрожалъ ; она блѣднѣла , какъ цвѣшокъ маріаны.

— Уѣдемъ. —

Минушное молчаніе.

« А когда будешь продажа ? »

— Послѣ завтра. —

« Такъ я велю Юдиѣи пригошовишься къ дорогѣ. »

— Юдиѣи останешся здѣсь. —

« Какъ! и Юдиѣи... и дидя ея! »..

— Будущъ проданы! —

Ни одинъ звукъ не могъ больше вырваться изъ сшѣсенной груди Юли.

Она умолкла.

Онъ вышелъ.

Юлія сидѣла въ креслахъ, какъ прикованная. Горесшъ лишила ее чувствъ. Слезы страха, слезы опчаянія падали крупными и холодными каплями на помершвѣлыя руки, а глаза глядѣли неподвижно на дидя, кошорое по прежнему безпечно играло на ковръ. Въ первый разъ она обняла

весь ужасъ своего несчастія. Но вдругъ блеснула въ умѣ ея мысль: сладкая, упѣшишельная! «Публичный шоргъ!»... прекрасный способъ вырвашь дочь свою изъ негрипанскаго рабства: у ней были серьги и дорогіе каменья; а онъ!... хопя онъ бѣденъ, но соберешь сполько денегъ, чшобъ перекупить Юдию и мнимую дочь ея... чшобъ купишь родное дитя свое!..

Европейскія машери! поймешели вы опчаяніе Юліи?

Извѣстіе объ несчастіи Монроша привело Ж.-Поля въ восшоргъ. Адская мысль раждалась въ умѣ его. «Нашель!» вскричалъ онъ, дико захохопалъ и съ судорожнымъ движеніемъ пожалъ руку въ сповщика. Глаза его налились огненными слезами, грудь колыхалась и онъ съ шоржесшвомъ въ

первый разъ поднялся съ одра болѣзни.

Чась продажи насупилъ.

Еще слабый и обезображенный лихорадкою Ж.-Поль явился на шоргъ, какъ на праздникъ мщенія.

Тушь же расхаживалъ молодой человекъ, пріятной наружности, но съ желтымъ, неподвижнымъ лицомъ какъ у покойника. Холодный потъ выступалъ на челъ Юліи, но знакомый голосъ прошепшалъ ей мимоходомъ: «Не бойся! я досталъ 40,000 ливровъ!» И улыбка, зарница надежды, разлилась по всѣмъ чертамъ ея.

Но Ж.-Поль, какъ геній зла, внимательный и ужасный, глядѣлъ и слушалъ.

Юдиень спояла у акціоннаго спода. Она держала за руку ребенка;

шусамую дѣвочку краснощекую, бѣлокурую, босоногую. Юдиѣ плакала.

— Оцѣнка въ двѣ тысячи ливровъ! — возгласилъ хладнокровно публичный продавецъ.

— Двѣ тысячи пашьсопъ!

— Три тысячи!

Молошокъ спукнулъ.

— Даю чешыре! сказалъ молодой человекъ, и лице его было блѣднѣе савана; казалось, что онъ сей часъ умреть.

— Чешыре тысячи — чешыре тысячи ливровъ... Первый разъ... второй разъ! Никому не угодно?...

«Шесть тысячъ!» произнесъ хладнокровно Ж.-Поль; и всѣ взгляды обратились на него съ удивленіемъ.

— Дальше! продолжалъ молодой креоль.

— Семь тысячъ.

« Девяшь ! » закричалъ Ж.-Поль, и опяшь всѣ на него оглянулись.

Юліи спановилось дурно, колѣнки подгибались подъ шяжеспію шѣла, голова ея пылала, глаза пошемялись.

— Дальше ! сказалъ слабый и прогашельный голосъ.

— Десяшь шысячь ! продолжалъ продавецъ швердымъ и звонкимъ голосомъ. « Десяшь шысячь ! » повшорилъ онъ скоро. « Разъ, два, шри....

« Двенадцашъ ! » перебилъ его Ж.-Поль, не шрогаясь съ мѣсша, какъ испуканъ.

Торгъ кончился.

Ж.-Поль ошсчишалъ деньги, взялъ дыша на руки, а Юдиои велѣлъ идши за собою....

Ропощъ удивленія, любопытшсшва и сосшраданія разлился по залѣ.... а Юлію вынесли за мершво.

V.

Э П И Л О Г Ъ .

Чрезъ два дни Англійскій жолепъ, на кошпоромъ находился одинъ Американскій пассажиръ, опходя опъ береговъ Гваделупы, вспрѣшилъ два мершвыя шѣла.

Они крѣпко держали другъ друга въ объятіяхъ. Волны ихъ боюкали: эшо были шѣла молодой женщины и молодаго мужчины.

На крикъ каюшь-юнга, весь экипажъ спѣснился на палубѣ; всѣмъ хошѣлось взглянуть на нихъ; и спарикъ капишанъ, обращаясь къ мапросамъ, сказалъ со вздохомъ: « Дѣши! бьюсь объ закладъ, эшо двѣ жершвы опчаянной любви! Несчастные! упокой васъ Господь! » Онъ выбилъ пробку свою черезъ бортъ и вмѣспѣ съ пепломъ скапилась слеза съ его сѣдой рѣсницы.... Сердца всѣхъ моряковъ пронулись жалосшью... Лишь одинъ пассажиръ улыбнулся....

Прошло семнадцашь лѣшь.

Въ сѣдинахъ и рубищѣ, оставленный всѣми, съ нищенскимъ по-

сохомъ и гореспнымъ воспомина-
ніемъ объ дочери, старый Мон-
рошъ проходилъ однажды вечеромъ
Тюльерійскимъ садомъ въ Парижѣ.
Посреди аллеи споялъ челоуѣкъ
худощавый, смуглый и блѣдный,
съ просѣдью въ черныхъ куд-
ряхъ черной головы; молодая жен-
щина, весьма похожая на Юлію,
опиралась на плечо его; въ спо-
ронѣ подъ густымъ вязомъ игра-
ло двое здоровыхъ, смуглыхъ дѣ-
шей... Монрошъ взглядѣлся... Предъ
нимъ споялъ Мулашъ, котораго
чершы глубоко врѣзались въ его
памяши.

Какъ предъ видѣніемъ смерти,
Монрошъ поблѣднѣлъ и упалъ безъ
чувствъ на каменную скамейку.

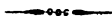
Ж.-Поль, купивши дочь Юліи, не
хотѣлъ мшишь желѣзомъ и ядомъ.

Смершь мученіе минушное: его

легло перенести, и попомъ все забыло.

Ж.-Поль былъ жершвою *предразсудковъ* поселенія, и хопѣлъ погубишь враговъ своихъ собственнымъ ихъ орудіемъ ...

Онъ не былъ обвинчанъ со внукою Сіера Монрота.

СВАДЕБНЫЙ БАЛЪ.

РАСКАЗЪ

Емиля Дешанса.

1855.

« Еслибъ эшого подлинно не слу-
« чилось , еслибъ происшествіе
« сіе не имѣло свидѣтелей , и
« припомъ такихъ свидѣтелей ,
« кошорыхъ мы всѣ уважаемъ ,
« по ни одинъ поэтъ не рѣшил-
« ся бы пересказать его , подъ
« опасеніемъ , что ему не повѣ-
« ряшь , или назовушь его безум-
« нымъ мечшашелемъ . »

П л и н і й.

— Чшо съ побой сдѣлалось ,
Мапильда? — Ты шакъ печальна ,
задумчива. . . . Ужъ не больна ли
шы? — Вспомни , другъ мой ! чшо
эшошь балъ дается для себя :

шы его царица!... И спранно было бы войши въ залу съ шакой мрачной физиогноміей! Пожалуй, подумаюшь, чшо шы меня не любишь. . . . чшо шы со мной несчастлива.... Полно! развеселись! Прими на себя поржешшвуюющій видъ молодой супруги двадцати лѣшь и двадцать дней шолько чшо обвѣнчанной. Пущь глаза швой горяшь, какъ эши брилліаншы, и если можно, будь шолько-жъ весела, какъ шы прекрасна!

Сии послѣднія слова въ первый разъ пролили улыбку на поблѣднѣвшія уста Машильды. Съ самодовольной гордосшью поблагодарила она ловкаго своего супруга благосклоннымъ взглядомъ: и маленькія ея ножки, зашянушыя въ бѣлый апшасъ, съ неимовѣрной легкосшью побѣжали

по коврамъ лѣспницы , усшавлен-
ной деревьями и цвѣшами и бле-
блешящей яркимъ освѣщеніемъ.

Большое зеркало, вдѣланное въ
спѣну, на верьху лѣспницы, еще
ласковѣе повшорило ей компли-
меншъ мужа: она оспановилась, съ
небрежнымъ прилѣжаніемъ попра-
вила свой уборъ, кошорый совсѣмъ
не былъ поврежденъ , и попомъ,
ушѣшенная и довольная , вошла
въ переднюю съ величешвенною
забопливоспїю женщины, у ко-
шорой только головной уборъ въ
головѣ.

Всѣ слуги засуешились около
молодыхъ.

— Какъ , Джонъ , шы здѣсь? —
Ты служишь у Маркизы?

— « Точно шакъ , сударыня! Г.
Аршуръ ошпустилъ меня ужъ не-

дѣли при тому назадъ ; въ самый попятъ день , какъ онъ.... изволише знашь , какъ онъ уѣхаль , никому ни слова не сказавши. » . .

— Знаю, знаю. Спранная вспрѣча ! Я не ожидала....

Въ эшу минушу мужъ Машильды, опдалъ своему лакею плащъ и салопъ и обувъ , обернулся къ ней и увидалъ , что она гораздо печальнѣй и блѣднѣй , чѣмъ была прежде, выходя изъ кареты. Слуга, опворивъ наспежъ двери въ залу , громко объявилъ о ихъ пріѣздѣ, и шѣмъ предупредилъ объясненіе , кошорое могло произойши между мужемъ и женою.

Французская кадрилишь только что кончилась и взоры всѣхъ обрашились на прелѣспную новобрачную. Шоппъ похваль и удив-

ленія снова оживилъ ея улыбку и румянецъ.

Хозяинъ дома провелъ ее чрезъ нѣсколько комнашь въ госпиную, гдѣ, недалёко отъ главнаго оркестра, было для нея пригошовлено кресло подлѣ самой Маркизы.

Маркиза побранила ее ласково за то, что она пріѣхала такъ поздно.

— «Поздо! , поздно!» кричалъ на ухо Машильды насмѣшливый голосъ; она оглянулась: за нею никого не было.

— Спранно! подумала она и холодная дрожь пробѣжала по шеѣ и головѣ подъ блестящей уборкой волосъ. Между шѣмъ двадцать молодыхъ людей кинулись къ ней и приглашали танцовать.

Вишурнель заиграла; скрипки и гобой одушевили Машильду; она

съ шрепешомъ поднялась съ мѣспа, пошла за своимъ кавалеромъ.... но едва начала шанцовашь и все было забышо! И какъ не забыть? Одушевишельныя мелодіи Маэрбера и Россини; и эпи люспры съ тысячами свѣчей, съ милліонами кристальныхъ призмъ; и почпительное обожаніе дансёра, и зависшливое одобреніе другихъ женщинъ; и мысль, что «мое бриллианшовое ожерелье лучше всѣхъ на балъ, а я лучше моего ожерелья, и завпра цѣлый Парижъ заговоришь объ эпомъ.»... и эпи шолпы мужчинъ, кошорые съ любопытствомъ осаждають всѣ двери залы, и кошорыхъ удержи-ваешь и привязываешь одинъ шолько газовый шарфъ; и эпошь воздухъ, напишанный благовоніемъ, шеплошою и живыми словами; и наконецъ самое движеніе бала...

все шакъ чудно, прекрасно, волшебнo, упоишельно.... И какія горесши, какія мрачныя предчувшвія, какія жгучія угрызенія успояшъ долго прошивъ эшихъ очарованій!

И шакъ пускай молодая женщина упиваешся гармонією, танцами и жерпвами обожаній! Чшо шакое радосшь? — Минушное забвеніе! — Къ чему-жь шревожишь памяшь шого, кшо ищешъ забвенія? Будемъ снисходительны! Уважимъ удовольствіе:

Ainsi que la douleur le plaisir est sacré.

И радосши души, какъ горесши священны!

Но опъ чего-жь прелесшная новобрачная шакъ блѣдна и задумчива? Опъ чего она; иногда шакъ видимо, смущаешся и дрожитъ посреди блеска и праздне-

ства, ей посвященнаго? Какой черной волосъ всучился въ блестящую нить ея жизни?

Не единственна ли она дочь славнаго и всѣми уважаемаго Виконша В***? Не любимое ли она дитя его? Не гордится ли онъ своею дочерью сполькоже, какъ и предками? Не пожертвовалъ ли онъ въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ на ея испинно *княжеское* воспитаніе болѣе прехъ четвершей своего имѣнія, разспроеннаго и разхищеннаго революціями? А теперь онъ сдѣлалъ для нея еще больше, онъ—пожертвовалъ предразсудками рожденія и предковъ, для того, чшобъ доставить обожаемой своей Машильдѣ спокойную и блестящую будущность. И сама Машильда развѣ не чувствуетъ своего счастья? —

Она теперь супруга молодого Карла Н***, одного изъ богашѣйшихъ финансеровъ нашего времени, копорый еще въ началѣ нынѣшняго мѣсяца доставилъ ей сто двадцать тысячъ ливровъ ежегоднаго дохода и (*какъ говорятъ въ свѣтѣ*) принесъ самыя блестящія надежды, то есть: надежду, что пресварѣлая мать его не долго переживетъ потерю мужа, копорый сдѣлался одной изъ первыхъ жертвъ холеры; надежду, что единственна сестра его пойдетъ въ монастырь, спрадая ошъ какого-то шайнаго недуга, копорый уже обратился у ней въ явную чахошку; надежду, что братель его, эскадронный командиръ, будетъ убитъ въ войнѣ съ Голландцами; надежду, что обѣ шепки, изъ копорыхъ каж-

дая была для него вшоруо машерью и сдѣлала его единспвеннымъ своимъ наслѣдникомъ, удрученныя болѣзнію и спаросшію, не доживушь до Майскихъ листьевъ; и еще нѣсколько другихъ *надеждъ*, почши спольже *лестныхъ*, какъ и эши.

Въ замужспвѣ эпомъ для Машильды ошкрылась перспекшива, досшойная Королевы: полько бы новая революція не разрушила ея видовъ!

Но правда ли, говоряшь, чшо Машильда и двоюродный брашь ея, молодой поэшъ Аршуръ, люббили другъ друга любовью пламенной и шайной, — вѣрояшно вопреки желанію ихъ семейспвѣ?

Правда ли, говоряшь, чшо мѣсяца чешыре шому назадъ, ночью,

они сошлись однажды у старой колдуньи, на Гюэнегодской улицѣ, и шамъ надъ кабалистическими гѣроглифами поклялись вѣчно любить другъ друга, клялись на какомъ-то демонскомъ нарѣчїи, клялись шаиншвами Соломонова храма, клялись всѣмъ святымъ на небѣ и землѣ, что никогда ни мужчина, ни женщина не получатъ ихъ руки, что судьба и сердца ихъ будутъ соединены навѣки, хотя бы имъ надо было ждать этого соединенія до предсмертнаго часа?

— О! если это правда, то зачѣмъ, по какому бѣдсшвенному ослѣпленію, Машильда рѣшилась обмѣнять свое имя на богатство Карла Н***, тогда, какъ подождавъ немного, она могла бы, хо-

шя не надолго, хопь на одну полько ночь, обмѣняшь красошу на гений и любовь на любовь?

Какъ не предвидѣла она, что все будешь щеславіемъ въ супружесствѣ, гдѣ два щеславія шоргуюшя и покупаюшъ другъ друга? Для чего,— хопь изъ гордосши, (а въ ней ея шакъ много!)—не предпочла она вѣнка поэша сундуку банкира? И не ужели не боялась она наказанія свыше, измѣняя своей адской кляшвѣ, данной обожаемому человѣку?...

Нѣшъ.

Жемчугъ, яхоншъ, шопазы и брилліаншы ослѣпили глаза ея. Она примѣрила ожерелье, и окочалась имъ на вѣки: въ эшу минушу она видѣла шолько свадебную корзинку, а одной минушы

доспашочно , чшобъ произнесшь роковое *да* на цѣлую жизнь. . . . И она его произнесла , произнесла безъ участія сердечнаго , и шакъ быспро и невняшно , чшо сама не могла разслышашь.

Правда ли , чшо Аршуръ при первомъ извѣстїи объ эшой свадьбѣ , кошорая была зашѣяна и разыграна въ нѣсколько дней , упалъ , какъ громомъ пораженный , и когда опомнился , шо бѣжалъ далеко изъ Парижа , въ какую-шо пущыню , и бросилъ все: шруды , славу , друзей , родныхъ и даже вѣрнаго своего Джона , кошорый одинъ шолько въ цѣломъ мїрѣ зналъ имя , шакъ часшо повшоряемое имъ во снѣ ?

Правда ли , чшо въ продолженїи эшихъ роковыхъ шрехъ недѣль

объ немъ не было ни слуху, ни духу; и одни шолько охошники разсказывали, чшо вспрѣчали въ Морфоншенскихъ лѣсахъ какого-шо безумнаго, кошорый обросъ бородою, ошъ всѣхъ бѣгалъ, пугалъ и разгонялъ вепрей и все плакалъ?

Правда ли, наконецъ, чшо поупру, въ день эшаго бала, на кошоромъ Манильда шеперь блестящъ и ослѣпляещъ, она получила шайную посылочку съ ношами и романсомъ, написанными кровью человѣческою, и кошорые были мрачнѣй и горестнѣй белѣзненной тоски умирающаго?

О! если все эшо правда, шо чемужь удивляшся? Она должна была не разъ поблѣднѣшь подъ праздничнымъ своимъ нарядомъ.

Черезъ часъ послѣ вѣнчанія мужъ увезъ ее въ опдаленное помѣстье, и шеперь только она вернулась въ Парижъ, чшобъ первеншво-вашь на эшомъ балѣ, кошорый желала бы опложись на спо-лѣшь.

Тамъ, въ уединенномъ своемъ Нивернейскомъ замкѣ, окруженномъ обширными прудами и запущенными садами, раздѣляя досугъ только съ мужемъ, кошорый большую часшь времени проводилъ на охотѣ, она, можешъ бышь, не чувспивовала пакъ сильно своего несчастія; можешъ бышь, она думала, что въ эшой глуши, печальные, однообразные дни ея похожи на дни Аршура и въ эшомъ сходспвѣ находила какое-шо удовольспвіе, какое-шо роковое, невинное наслажденіе; эшо было послѣднее

шайное, корошкое сближеніе, которое могли они имѣшь на землѣ.

Но въ Парижѣ, въ его шумѣ, блескѣ и удовольствіяхъ, она нашла шолько грушный контрастъ съ насройствомъ души своей и съ опчаяніемъ Аршура.

И не смопря на шо,... взгляните! суешность бала вполне овладѣла ею: въ быспромѣ движеніи Французской кадрили, она, какъ юный воинъ, препещеть ошь мужества и энтузіазма; волшебный спанъ ея извивается сладоспратно; лешучая ножка едва прикасается къ полу, чело ея блестяшь свѣшлѣ звѣздъ небесныхъ; она счастлива, попому что прекрасна.... Но вдругъ лице ея помрачается, голова грушно поникла, грудь сильно заволновалась.... Оркеспръ (спранное дѣ-

«ло!) оркестръ заигралъ первые акорды романса, кошорый получила она сегодня упромъ опъ Аршура и кошорый только ей одной извѣстенъ!... Она вслушивается: почно! эпо онъ! его раздрающіе звуки! Только музыканшы измѣнили кадансъ и мѣру; въ умъ ея невольно подпѣвающся подъ него кровавыя слова; и когда до ней доходитъ очередь дѣлать фигуру, ноги нейдушъ, сердце залегло; едва доспало силъ допашись до своего спула; она извиняется передъ кавалеромъ, жалуясь на легкій припадокъ головокруженія!... А въ душѣ невольно родилась мысль: «Опъ чего все эпо? Непонянное, роковое чтошо пворится со мною нынче вчеромъ. О! горе! горе мнѣ!»

Маркиза послала опыскивашь Карла II***. по вѣсѣмъ карпочнымъ сшоламъ; (если онъ не охопишся, шакъ непремѣнно играешъ.)

Наконецъ онъ явился, взявъ жену свою подъ руку и вывелъ въ другую комнашу, гдѣ было по прохладнѣе.

Нѣскольکو дамъ, собравшись въ кружокъ, помирали шамъ со смѣху надъ новымъ чешвероспишѣемъ одного изъ знаменишѣйшихъ поэщовъ Франціи. Машильда вздумала защишишь его, шакъ, какъ защишилъ бы его самъ Аршуръ, еслибъ былъ здѣсь; она гордилась шѣмъ, чшо научилась ошъ Аршура говоришь объ поэзи и пони-машъ ее.

Споръ лишературный развлекъ ее нѣскольکو.

Опшъ поэзіи дамы перешли къ самимъ поэшамъ: онѣ говорили, что спихошворцы не хопяшъ ничего знашъ, кромѣ своего искусства; что они не знающъ другой любви, кромѣ самолюбія, и знакомы съ груспію сердечной шолько въ своихъ элегіяхъ.

На эшопшъ разъ Машильда имъ не возражала; она съ жадноспью ловила выспаваемые ими примѣры поэшовъ неушшшныхъ и безошрадныхъ по ихъ спихошворнымъ сборникамъ и знаменишыхъ своею всегдашней веселоспью въ свѣшъ. . . . Угрызенія ея мало по молу исчезали: она ожила.

Слуги спали разносшш на подносахъ фрукшы, прохладшшель-

ные напипки и конфекпы: она взяла нѣсколько большихъ конфекпъ, чшобъ позабавипсья поэзією ихъ девизовъ. Вопшь спихи, копорые она нашла на первой сахарной дощечкѣ :

Онѣ пвердятъ шебѣ: «Предчувствіе—
обманъ!

« За чѣмъ душѣ болѣшь спраданьями
поэша? —

« И можно-ль вѣришь имъ? — Какъ
упренній шуманъ ,

« Ихъ горести пройдушь среди ве-
селій свѣта! »

« Оспавленъ вдругъ поэпъ: и жизнен-
ный покровъ

« Въ минупу первую съ души сор-
ванъ гошговъ ;

« Попомъ—упѣшипсья—и пѣсню по-
гребальной

« Чеспипгъ свою любовь въ *элегіи*
пегальной! »

Все ложь и клевета! не вѣрь Ма-
пильда! нѣтъ!

Пробилъ намъ часъ и свадьбы и кон-
чины....

И скоро явился съ опмщеніемъ по-
эпъ!...

А ты свѣшла.....

Она не могла дочипашь; облако
мрака набѣжало ей на глаза.

— «Эпо слишкомъ! восклица-
ла она внушренно. Перспъ Бо-
жій надо мною... Я погибла!»

И руки ея дрожали, и мяли ро-
ковой девизъ, и раздирали его на
штысячу клочковъ. Вдругъ разда-
лась ршурнель галопя.

Сынъ Маркизы подошелъ къ Ма-
пильдѣ и припомнилъ ей обеща-
ніе шанцовашь съ нимъ. Она по-
шла, съ мушными и неподвиж-
ными взорами, но съ швердою

поспуюю , какъ Королева , копорую ведушь на казнь.

И вошь гадонь закипѣль ; легкiя пары обнимающся и спалкивающся , смѣясь и шуся ; букеты лепяшь на полъ ; влажныя молнiи сверкаюшь изо всѣхъ глазъ ; восковыя свѣчи шаяшь и зыблющся опъ жаркаго испаренiя ; женщины , обезсиленныя опъ успалосипи , предающся объяснiямъ мужчинъ , копорые перекидываюшь ихъ другъ другу , и снова подхващываюшь , и снова перекидываюшь , почно какъ балешныя черши перебрасываюшь чучелу Психеи.

Машильда , блѣдная и мрачная , посреди эшого неисшовсшва похожа была на призракъ мершвеца , копорый хочепъ развеселишься.

Пробило полночь.

Въ эту минушу схватилъ ее какой-то дансёръ и шакъ крѣпко сжалъ въ своихъ объятіяхъ, какъ будто цѣлый вѣкъ не хотѣлъ съ нею разстаться. Машильда на него взглянула...

— « Аршуръ ! » вскричала она ; и крикъ ея смѣшался со смѣхомъ и шумомъ и звуками , наполнявшими залу.

— « Аршуръ ! » повшорила она почти шопшомъ. . . . « Такъ все, что со мной случилось нынѣ вечеромъ, было. . . . Ахъ! шы чупь-чупь меня не уморилъ. . . . Конечно, я это заслужила. . . . Я предъ тобой виновна, но шы меня прощаешь! . . . Не правда ли, Аршуръ! Ты протспилъ меня? . . . »

Онъ молчалъ , а голопь спановился живѣе и шибче.

— « Но какъ ты сюда попалъ ,
Аршуръ ? » —

— Это балъ въ честь швоей
свадьбы, Машильда, слѣдовашель-
но и мой свадебный балъ.

— « О , не упрекай меня шакъ
безчеловѣчно , или я умру ! Пе-
редай меня другому кавалеру. »

— На чшо ? развѣ шебѣ неприят-
но въ моихъ объяшяхъ ?

— « О нѣшь ! я счасшлива ! Очень
счасшлива ! Я шебя вижу — и умерла
бы съ шоски , еслибѣ ты умеръ....
Но пуспи меня ! »

— Нѣшь ! нѣшь ! не пушу ! Жи-
вѣй ! музыканшы , живѣй !

И галопъ все спановился шиб-
че и шибче.

Длинная цѣпь веселыхъ паръ
полешѣла черезъ сосѣднія залы.
Аршуръ и Машильда послѣдніе
промелькнули въ двери и впереди

всѣхъ появились изъ другихъ дверей. Они неслись съ неимовѣрной легкостью и быспрошою; едва можно было замѣпить ихъ шѣнь, кошорая мелькала въ длинныхъ зеркалахъ залы. Пошъ спруился по лицу Аршура; не смопря на шо, Машильдѣ казалось, что руки его, сквозь сукно и лайку, какъ ледяныя, обвились около ея шѣла. Всѣ шанцюющіе оспановились, чтобы на нихъ подивиться. Громкій смѣхъ и рукоплесканія преслѣдовали ихъ по залѣ. Но вдругъ замѣшили, что ноги Машильды ужъ не прикасались къ полу, а голова ея мошалась на плечахъ.

— « Довольно! довольно! » кричали со всѣхъ споронъ.

Но безпощадный дансёръ ничего не слушалъ и галопъ спановился

все шибче и шибче. Маркиза просила, чшобъ ихъ оспановили: невозможно! Они ускользнули въ игорную залу и шамъ завершѣлись посреди споловъ и кресель, опрокидывая свѣчи, спуля и играющихъ.

Карль узналъ свою жену; всѣ игроки вскочили съ мѣспъ своихъ.

— Аршуръ съ ума сошелъ! сказалъ какой-шо молодой человекъ.

— «Спойше! спойше! кричалъ Карль.

Но неупомимая чепа, какъ двѣ вырвавшіяся пшицы, кружась, порхая и прыгая, пробѣгала по всѣмъ заламъ, будуарамъ, корридорамъ. Она доспигла до передней и ринулась по лѣспницѣ, все вершаясь и прыгая. За ними бѣжали: никшо не могъ поняшь, чшобы это значило.

Въ эпу минушу одна изъ дамъ, взглянувъ въ окно, увидала ихъ въ аллеяхъ сада: они все еще га-лопировали, ужасно, безумно га-лопировали!

— Помогите! помогите! Ма-шильдѣ хошящъ похишите! кри-чали со всѣхъ сторонъ.

Всѣ госипи бросились въ садъ и побѣжали по мокрой травѣ.

Издали видно было, какъ Ар-шуръ съ Машильдой еще кружи-лись по курпинамъ и палисадни-камъ. За ними гнались, ихъ на-спигаги, хошѣли схватишь... Но вдругъ....

Пѣшухъ запѣлъ, и они исчезли на перекресткѣ двухъ аллей....

Черезъ часъ пришло извѣстие, что Аршуръ наканунѣ умеръ.

**ОРМУСКИЙ
РЫБАКЪ.**

ПЕРСИДСКАЯ БАССИДА.

ПЕРЕСКАЗАНА

Беллуно Д.

ПЕРСИДСКАЯ КАСИДА. (1.

I.

Возлегиши на крылахъ птицы
Симургъ, какъ быспрая Аравійская
вьюга неслась однажды знамени-
тая волшебница Далла-Мупалея
съ Кафскаго хребта къ городу

Багдаду. На чель ея горѣль рубиновой вѣнецъ.

Надъ островомъ Ормусомъ, высоко въ голубомъ ээирѣ, повспрѣчался съ нею Ангель Тиръ-Абанъ, кошорый во весь опоръ скакаль на Боракъ, выпреннемъ конь Пророка.

— «Куда?» — спросила волшебница Генія наукъ и художествъ.

— Несу ушѣщеніе ученому, кошорый умираешъ съ голоду; — ошвѣчалъ Геній.

«А я спѣшу къ богатому невѣждѣ, кошорой умираешъ со скуки. Скажи: кпо изъ нихъ болѣе доспоинъ сожалѣнія?»

— Разумѣешся богатый дуракъ! Ошвѣчалъ Ангель мудросши.

« Можешъ бышь , пы правъ... »
— возразила Фея : « Однакожь и богашество имѣешъ свои пріащности. »

— Удовольствие , которое доставляешъ свѣшлый и образованный умъ , дороже и выше всѣхъ кладовъ міра сего !

« За шо богачъ услаждаешъ свои чувства нѣгою и блескомъ почестей. За нимъ , какъ шѣнь его , бѣжишь толпа поклонниковъ. Для него изобрѣшены лесты и похвала ; — а чшо можешъ сравнишься съ ихъ упоительнымъ звукомъ ? »

— За шо пресыщеніе и скука вѣчныя ихъ спутники. Взгляни , напрошивъ , на смершнаго , кошорый одушевленъ моими дара-

ми : онъ счастливъ даже въ мечтахъ своихъ ; самъ создаетъ себѣ новый міръ , украшаетъ его свѣшлыми вымыслами , живешь въ немъ , и можешь по произволу измѣнить его — или совсѣмъ разрушишь . Если онъ уснеть самъ шворить , то прилѣпляется къ швореніямъ другихъ : къ любимымъ своимъ книгамъ ; а признайся откровенно , можешь ли даже самое образованное общество сравниться съ этимъ безцѣннымъ сокровищемъ , въ копоромъ слышався духовная эссенція величайшихъ Геніевъ мира и времени ? — Былъ ли бы онъ счастливѣе , еслибъ всѣ , скопившіе эти умшвенные клады , восснали изъ гробовъ своихъ и пришли съ нимъ бесѣдовать ? —

— Не думаю . — Мало есть хо-

рошихъ писашелей, похожихъ на свои книги.

«Эшо правда!... но я съ своей спороны шакже могла бы нацишашь шебъ очень много выгоды богашешва,»—подхвашила волшебница, — «но я не люблю долго пересышашь изъ пущаго въ порожнее. Опышъ самая лучшая дорога къ испинѣ. Забудь пока своего ученаго: по швоей теоріи онъ спанешъ мечшашь о довольшвѣ и вкусномъ обѣдѣ, и бѣдносшъ и голодъ будущъ для него не ощушишельны. А я оставлю еще на время богача своего въ невѣжешвѣ: онъ уже въ лѣшахъ и въ рояшно привыкъ къ скукъ и бездѣйшвію. — Между шѣмъ попытаемся ошыскашъ человекъ годнаго для нашихъ намѣреній: я укажу ему дорогу къ богашешву, а шы

опшроешь испочникъ мудроспи ,
и когда онъ доспигнешъ всего ,
чѣмъ могушь наградишь его дары
наши , мы дадимъ ему полную
свободу дѣйспвовашь по своему
произволу , и шогда , разсмашривая
обыкновенныя вліянія природы
человѣческой на нашего любимца ,
мы выведемъ изъ нихъ свои за-
ключенія . » —

— Согласенъ . — опшвѣчалъ Тиръ-
Абанъ . — Я даже знаю въ Орму-
сѣ человѣка весьма годнаго на
эшу пошребу : онъ рыбаекъ бѣд-
ный и необразованный и пришомъ
весьма недовольный своею уча-
сшью ; намъ споишъ шолько дашь
ему маленькій намѣкъ , и онъ ,
сломя голову , бросишся по объ-
имъ дорогамъ , кошорыя мы ему
укажемъ .

— «Иншь Аллахъ!» — сказала
Фея.

— Машъ Аллахъ! — произнесъ
Геній.

Они распались.

II.

Уныло сидѣлъ въ это время бѣднякъ Исмаель на берегу Персидскаго залива и чинилъ порванныя сѣши.

— « Ахъ ! » — вздохнулъ онъ го-

респно, — « За чпо осуждены я всю жизнь мою боролсья съ погнбелъною нуждоу? — Всегда одна и шаже ннща: пасшеки (2), да кукаруза (3), да черслнвые бобы! Все эшо прѣлось. Одно шолько и ешь плашьншко, и шо изъ шолспой паруснны, кошорой грубья ннши, чпо день, шо глубже и глубже впнвающся мнѣ въ кожу! А постель? Чшо за пошель: — земля сырая, да прокляпая плѣшушка, — добро бы еще изъ Ефрашскаго шросшннка, а шо изъ сучьковашой маисовой соломы. И чшобѣ добышь себѣ эшу скудель, я долженъ цѣлый день сѣпашься въ Террадѣ (4) своей по морю, барашашься съ волнами и выужнвашь жирную рыбу, кошорую я лѣпнѣ пншь уже доснавляю къ споламѣ богачей, а самъ

еще ни разу не опивдывалъ. Аллахъ вѣдаетъ, что начерпало мнѣ огромное перо судьбы въ книгу будущности, но покажи я бѣдень и не счастливъ!

Въ это мгновеніе явились передъ Исмаеломъ Тиръ-Абанъ и Мушалея.

— Исмаель! — сказала волшебница, жалобы твои достигли до слуха нашего. Хочешь ли ты быть богатымъ и владыкою? Я доставлю тебѣ случай: сынъ снараго, славнаго по своему богатству Назарада, сей часъ только умеръ скоропоспихно въ шопкихъ пуховикахъ своихъ; ты на него чрезвычайно похожъ: походъ же роста и голоса, шаже осанка и лице: васъ трудно различить. Никто еще не знаетъ о его смерти, слѣдуй

за мною : я беру на себя спровадишь шрупъ покойника , а шы ляжешь на его мѣсно.» —

Исмаель долго не могъ придши въ себя ошъ восшорга и удивленія. Пошомъ быспрѣ вскочилъ за волшебницею на хвостъ пшицы Симургъ, и въ два мгновенія ока — оба спояли у кровати умершаго. Бездѣлицу надо было замѣшишь : сынъ Назарада имѣлъ привычку моргашъ лѣввымъ глазомъ ; дѣло хопя не мудренное , но необходимое для ёго мѣспозаспупника. Исмаель обѣщаль своей благодѣшельницѣ обращашь спрожайшее вниманіе на эшу опличительную чершу своего предмѣспника , а Фея съ своей спороны обѣщала иногда шайкомъ навѣщашъ его.

Онъ ушонулъ въ подушкахъ.

Она провалилась сквозь землю.

III.

Всю ночь провелъ Исмаель въ зашверживаніи уроковъ Мупалеи и въ морганіи лѣвымъ глазомъ, — спараясь пріобрѣсти въ ономъ навѣкъ.

По утру онъ громко и просяжно звнуль: пошчасъ явились рабы, принесли плашье и спали одѣвашь его.

Онъ мигаль лѣввымъ вѣкомъ, и все шло какъ нельзя лучше.

Его нарядили въ злапошканный, парчевой халашъ (5); богатый, жемчугомъ шипый, шерстяной Терманскій поясъ обвилъ его спанъ, и блестящая алмазами и яхонтами черная, курчавая шапка, довершила великолѣпнѣе роскошнаго убора.

Бѣдный Исмаель не узнавалъ самаго себя, и каждую минушу гошовъ былъ измѣнишь себѣ немѣспною вѣжливостію съ рабами своими.

Наконецъ элекприческая искра самолюбія пробѣжала по его жи-

ламъ ; онъ увидѣлъ всю великоспъ своего призванія, возымѣлъ къ себѣ чрезвычайное уваженіе, и шакъ быспро захопалъ лѣвымъ глазомъ , что главный Гардеробмейшеръ съ испуганнымъ рабочіемъ началъ его спрашивашъ : « не дурно ли ему ? Или онъ чѣмъ недоволенъ ? и ошъ чего онъ перемѣнился въ лицѣ ? » — При сихъ словахъ Исмаель запрепешалъ , заикнулся , лѣвый глазъ совсѣмъ оспановился , и онъ долго пробылъ бы въ семъ мучительномъ положеніи , еслибъ главный поваръ не присшупилъ къ нему съ вопросомъ : « Что прикажете гошовишь къ обѣду ? »

Разумѣешся Исмаель заказалъ шполъ изъ шѣхъ рыбъ , кошорыя онъ всегда ловилъ , продавалъ и никогда не опвѣдывалъ. Онъ на-

дѣялся вспрѣшивъ между ними даже нѣсколько рыбъ своей собственной ловли за прошедшій вечеръ и заранѣе восхищался шѣмъ, что наконецъ познакомится покороче съ многолѣшними своими водяными врагами.

Не прошло пяти часовъ, и они спояли уже передъ нимъ на столѣ, въ золотыхъ блюдахъ и вазахъ, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ явшевъ и плодовъ благовонныхъ.

Исмаель ревностно трудился надъ обѣдомъ, опшвѣдывалъ опъ каждого блюда, въ первый разъ въ жизни переполнилъ себѣ желудокъ, почувсшвовалъ боль въ животѣ и почишалъ себя счастливѣйшимъ изъ смершныхъ.

Послѣ стола онъ опсправился

въ гаремъ своего предмѣспника. Юныя, свѣжія красы черноокихъ Черкешенокъ и сладостраспныхъ Грузинокъ до того воспламѣнили кровь его, что онъ совсѣмъ забылъ о морганіи глазомъ. Обрадованныя жены начали поздравлять его съ излѣченіемъ ошъ сего непріяшнаго недоспашка, кошорой онъ называли болѣзнію. Исмаель испугался, не зналъ, что дѣлать, что имъ отвѣчать, холодная дрожь пробѣжала по спинѣ и пашкамъ, и весь воспоргъ, въ кошорый онъ было пришелъ ошъ нѣжныхъ ласкъ молодыхъ красавиць, ошылъ и исчезъ. А бѣдныя жены между шѣмъ ничего не понимали, и сполько же дивились шеперь внезапной переменѣ чувствъ его, какъ прежде успокоенію лѣваго глаза.

Спарикъ Назарадъ видѣлъ подложнаго сына своего и ничего не подозревалъ.

Исмаель прожилъ двѣ недѣли во всѣхъ удовольствіяхъ и прихотяхъ, какія могутъ только придумать роскошь, нѣга и богатство, и въ продолженіи этого времени не разъ попадалъ въ просакъ своимъ морганьемъ.

Вдругъ Назарадъ получилъ приказаніе явиться къ дивану Шаха. Спарикъ наскоро собрался, и весь доходъ и дворецъ опдалъ въ распоряженіе сына; а распочипельный сынокъ великолѣпьемъ своихъ выѣздовъ и блескомъ пировъ скоро удивилъ весь Ормузь.

Его обширныя залы горѣли золотомъ, играли яшмою и порфиромъ. Высокія сѣны, изъ блага

Таврическаго мрамора, были украшены серебряною насѣчкою, или завѣшаны бархатными обоями, заплапошканными парчами и шончайшими Керманскими шпофами. На полахъ расстилались Синодскіе ковры. Вездѣ шумѣли игры, шолпились забавники, одѣтые въ блестящія шкани, вездѣ роились песпрыя группы гостей, и цѣлыя хоры очаровашельныхъ плясавицъ непрерывно шѣшили Исмаела и друзей его сладострастными своими движеніями и прыжками. Между шѣмъ, ихъ прихошамъ служило сто невольницъ, копорыхъ одежда полуобнажая сокровеннѣйшія ихъ прелести, была легка, какъ шуманъ и прозрачна, какъ волны, а на млековидныя плечи сыпались безчисленныя змѣйки черныхъ косъ, пере-

вишыхъ разноцвѣшными ленпами и украшенныхъ дорогими каменьями.

Попіомъ подавали обѣдъ.

На серебряныхъ и золопыхъ блюдахъ было разложено все, что полько вкуснаго и дорогаго зрѣшь, распешъ, плаваешъ и лешаешъ подъ волшебнымъ небомъ Персіи. По срединѣ спола въ видѣ пирамиды возвышалось нѣсколько полокъ, усшановленныхъ безчисленными сосудами и фіалами изъ Венеціанскаго хрусталя, въ кошорыхъ искрились и играли лучшіе напитки Георгіи и Шираса. Благонныя свѣчи разливали по воздуху пурпурное море блеску и гвоздично-каричневой свой запахъ смѣшивали съ благоуханіемъ Амбры, дымившейся сизыми облака-

ками изъ опущенныхъ съ пошолка алыхъ курильницъ. На золоченыхъ балконахъ раздавались звуки гобоевъ, шрубъ, шарелокъ и лишавръ.

Передъ каждымъ госпемъ спавился кубокъ дивной работы и дорогой цѣны, и когда всѣ, послѣ веселаго обѣда, шумною гурьбою вспавали изъ-за спола, Исмаель дарилъ друзей своихъ кубками, изъ кошорыхъ они пили. Роскошный пиръ обыкновенно оканчивался блестящимъ маскари (6.)

Всѣ были въ упоеніи, исключая Исмаела. Онъ одинъ меньше всѣхъ принималъ участія въ эсихъ удовольствіяхъ, мучась непрерывно забошою, какъ бы не забышь приморгнушь во время лѣвымъ глазомъ. По ночамъ за-

глядывала къ нему иногда Мупалея. Онъ не смѣлъ еще жаловаться на свою участь, но говорилъ только о неудобствѣ, причиняемомъ безпрестанною необходимостію морганья. Она совѣтовала ему запасшись шерпѣніемъ и общала вскорѣ опять явиться.

Дни шли за днями, возобновляя шѣже удовольствія и шуже скуку.

Вдругъ сшарый Назарадъ вернулся изъ своего путешествія.

Исмаель въ это время шѣшился рыбною ловлею.

Чшобъ сдѣлать сыну своему пріятный сюрпризъ, сшарикъ отправился къ нему на Торанское озеро, и весьма удивился, видя его проворство и навыкъ въ рыбной

ловлѣ ; а попому сдѣлалъ ему спрогій выговоръ за шо , чпо онъ попрапилъ пакъ много пруда и времени на искусство , копорое не можешъ принесшъ ему ни пользы , ни чеспи. Исмаель съ шакимъ жаромъ спалъ защищашъ прежнее ремесло свое , чпо въ усердіи своемъ совсѣмъ забылъ примаргивашъ глазомъ. Онъ спохвапился и спрусилъ. Ему казалось , чпо все уже опкрышо , подложносшъ его обнаружена и двадцашъ шашекъ (7) блеспяшъ надъ его головою , гошовясь наказашъ дерзкаго самозванца. Его бросало шо въ жаръ , шо въ ознобъ , онъ мѣнялся въ лицѣ , заикался на каждомъ словѣ , и наконецъ со всѣмъ онѣмѣлъ. Назарадъ , принимая его молчаніе и смущеніе за сыновнюю покорносшъ , не преминулъ , какъ

чадолюбивый отецъ, дашь ему при сей вѣрной оказіи, родительское поученіе, въ кошоромъ (какъ обыкновенно водится) совѣщивалъ лучше искашь знакомства съ почтенными людьми, мудрецами и учеными, и посвящивъ себя приобрѣщенію полезныхъ знаній, чѣмъ бражничать среди повѣсь и шушовъ, ничему не учась и убивая время удочкою.

Рыбакъ нашъ со вниманіемъ слушалъ слова спарика и общалъ послѣдовалъ его совѣщу.

Науки—поже, что цвѣшы: онѣ лучше разрасшаюшся въ уединеніи. Исмаель эшо понялъ, и въ уединеніи надѣялся совершенно обезпечить себя ошъ нескромныхъ взоровъ рабовъ своихъ, кошорые

безпреспанно окружали его услужливою шолпою , и казались ёму шайкою шпіоновъ , подосланныхъ наблюдать за морганіемъ его глаза. Ученые, думалъ онъ, не шакъ легко подмѣшяпъ въ немъ обманщика ; они безпрерывно заняпы собой и своими сочиненіями , имъ не до него ; въ особенноспи съ Аспрологами почипалъ онъ себя въ совершенной безопасности : взоры ихъ безпреспанно блуждаюпъ по небу или пробѣгаюпъ шакію (8) и пошому не могупъ привязывашься къ его глазамъ.

Эша новая мысль возврапила ему душевное спокойшвіе ; онъ поспѣшилъ привеспъ ее въ исполненіе — и вдругъ Исмаель , кошорый нѣкогда шакъ горько вздыхалъ о богашшвѣ, забылъ объ немъ

совершенно въ мечтахъ о кладахъ наукъ и сокровищахъ духа.

Уединившись однажды вечеромъ въ спокойную свою диванную, онъ развернулъ разсѣянно рукопись, кошорая какъ-то невзначай попалась ему въ руки и начиналась слѣдующими словами :

« Сколькобъ ступеней ты не
« взошелъ по огромной лестницѣ
« счастія, сполькожь придется
« тебѣ сходишь внизъ. Но лесп-
« ница мудрости прикрѣпила опо-
« ры свои въ неизмѣримыхъ про-
« странствахъ неба; и время,
« сокрушающее дворцы богачей
« надъ головами ихъ владѣльцевъ,
« можетъ только возвышать сла-
« ву мудраго. » . . . —

О Аллі! воскликнулъ Исмаель,
я узнаю перстъ твой! Самъ Про-

рокъ предосперегаетъ меня! И въ, самомъ дѣлѣ къ чему послужишь мнѣ переходящія блага міра сего? Чшо принесешь мнѣ блескъ эшихъ кубковъ, копорые разбивающся подъ рукою? Эпошь фиміамъ благовоній, исчезающій опшь малѣйшаго дуновения? Сладосшь напишковъ, копорые шолько зашмѣвають разумъ? изысканносшь яшвѣ, копорыя поршашъ желудокъ? — Жизнь богача похожа на безпросыпный хмѣль: удовольствіе исчезаешь; а головная боль оспаешся. И сверхъ того, жипшь въ вѣчномъ страхѣ и препешѣ! Вѣчно моргашъ лѣвымъ глазомъ! Неужли эпо наспоющая цѣна жизни? Нѣпшь!...

Но пипшь изъ испочника мудросши; слышашъ имя свое, переходящее изъ усшѣ въ усша; вы-

сокими, безсмертными швореніями обезпечишь себя удивленіе попомспва — вопъ, вопъ истинное счастье! Мудрый Алферази! Великій Авиценна! Саади-Иранскій соловей! Шехашъ-Орель подлунный! Сладосный Геафиць, и шы вдохновенный Ашаръ! Чшо еслибъ имя Исмаела вмѣспъ съ вашими перешло къ позднѣйшему попомспву? Какъ охотно опдалъ бы я полжизни моей, за приобрѣшеніе вашего величія!

— «Гоповъ исполнишь швое желаніе!» сказалъ Тиръ-Абанъ, копорый въ эшу минушу вмѣспъ съ Мупалеею появился среди комнашы.

Исмаель осполбенѣлъ.

— «Какъ!» вскричала Египеш-

ская волшебница, — ты еще недоволенъ моими дарами!» —

— Но.... но ужасное швое усло-
віе.... вѣчно моргашь, да мигаешь
глазами....

— «Слѣпецъ безсмысленный! Не думаешь ли ты, что человекъ, мѣняющій назначенную ему Провидѣніемъ участь на дары славы и счастья, пріобрѣтаетъ ихъ безъ заботъ и неудобства? — То, что ты теперь чувствуешь, испытали тысячи другихъ прежде тебя. Кому все дано, тому малѣйшее принужденіе дѣлаешься шагоспнымъ и часто огорчаетъ лучшія минуты счастья; шакъ шочно, какъ просшая буса, прикрѣпленная невнимательной рукою въ не выгодномъ мѣстѣ, засшвляешь безпокойную

щеголиху забышь весь блескъ алмазовъ, копорыми она осыпана. —

— Я покидаю, передаю и предославляю себя моему спущнику: онъ одинъ можешь удовле-творить шеперешнїя швои желанїя. — Лишаю себя всѣхъ сокровищъ, по мнѣнїю швоему, споль ничшожныхъ. Я сохранила шѣло покойнаго Назарадова сына опш исплѣнїя, и поспѣшу возвра-щать его на прежнее мѣсто! — Прощай!» —

Она исчезла.

IV.

— Ушѣшься! сказалъ Тиръ-Абанъ. Ты будешь ученѣйшимъ изъ смершныхъ.

— « Я! — воскликнулъ съ удивленіемъ Исмаель. Я! Помилуй!

Тиръ-Абанъ ! Я величайшій невѣжда ! Для меня очень понятно, какимъ образомъ бѣднякъ можешь въ минушу сдѣлаться богатымъ, но чѣмъ глупецъ.»...

— Оспановись ! — прервалъ его геній. —

Проспой Бадакомъ , очищенный лучами солнца , превращаешься въ драгоценный яхонтъ ; не дерзай сомнѣваться въ возможности того , что для тебя не посудижимо ! Слѣдуй за мною . Науки не живешь въ золотыхъ палахахъ . Я опведу тебѣ мѣсто , которое гораздо приличнѣе будетъ для перешагнутого своего назначенія .» —

Исмаель вскарабкался сзади на Борака , ухватился обѣими руками за Ангела и — дворецъ Наза-

рада, Персидскій заливъ и весь
островъ Ормусъ въ одинъ мигъ
изчезли подъ ними.

V.

Быстро, — скокомъ — лёпомъ, какъ бы на выпренихъ крылахъ поднебеснаго Орла, Исмаель былъ перенесенъ въ Иракъ-Аядми — и опустился почти предъ самымъ Тейраномъ.

На берегу шихоплещущей рѣчки предсѣдился ему уютный домикъ. Онъ былъ простъ, но уютенъ, не пышенъ — но красивъ. Предъ нимъ цвѣли розы, надъ нимъ свисали соловьи.

« Домъ сей! — сказалъ Тиръ-Лбанъ, принадлежишь тебѣ. Ты найдешь въ немъ все нужное обзаведеніе:— книги, карты, физическіе и Астрономическіе снаряды. Мурра и Мускусъ не будутъ болѣе дымиться предъ тобой въ золотыхъ сосудахъ, за то Маспикъ и Алкая разложатъ надъ тобой полдневныя шѣни и усладятъ чувства благоуханіемъ. Теперь прими отъ меня даръ слова и искусство нарѣчій. Они—главныя преддвѣрія къ храму наукъ и премудрости. Если хочешь возжечь свѣщильникъ въ умѣ своемъ,

по научись сомнѣваться; сомнѣніе
есть входъ къ познанію. Кто ни
въ чемъ не сомнѣвается, тотъ
ничего не изыскиваетъ и ничего не
открываетъ; а кто ничего не от-
крываетъ,— тотъ можетъ быть
только порядочнымъ ученымъ; но
никогда не будетъ истиннымъ
мудрецомъ.

При сихъ словахъ Ангелъ кос-
нулся рукою чела Исмаела, на-
помнилъ ему объ условіи: что онъ
только цѣною полужизни купитъ
себѣ безсмертіе; вскочилъ на не-
беснаго своего скакуна и — какъ
молнія блеснулъ за пылью обла-
ковъ.

VI.

Unsterbliche Thaten thut, wer unsterblich sich glaubt.

Того дѣла безсмертны, кто почи-
таешь себя безсмертнымъ.

Лафатеръ.

Прошли годы.

Исмаель загремѣлъ рѣдкою, все-
объемлющею ученостью.

Знаменишѣйшіе ученые Персіи
всенародно отдавали ему пальму
первенства.

Его Медицинскія , Астрономическія , Богословскія , Математическія , Естественна-Историческія и Императорскія творенія такъ быспро слѣдовали одно за другимъ и были приняты съ такимъ энтузіазмомъ , что народъ вскорѣ призналъ его искусникомъ во всѣхъ *двадцати двухъ* наукахъ , нужныхъ для Мукшегепа (9). Наконецъ и это почешное пишло доспалось ему въ удѣль , и сверхъ того онъ былъ прозванъ : *третьимъ учителемъ* (10).

Исмаель , ученое чудо Ирака , не сомнѣвался болѣе въ своемъ безсмертіи , и спокойно наслаждался этой сладкой увѣренноспію .

Шахи и Сераскиры опыскивали его хижину , и зашверживали его изрѣченія , какъ псалмы Имановъ и Пророка .

Народъ вездѣ шѣснился за нимъ, забѣгалъ впередъ, чшобъ уловить хопя одинъ взглядъ его или допронуться до полы его муфшы.

Величайшіе мудрецы Азіи проѣзжали шысячи земель, чшобъ съ нимъ повидашься, переплывали моря, чшобъ попросить у него совѣша и прикупишь себѣ разума въ его бесѣдахъ.

Но посреди всеобщаго удивленія и уваженія зависшь спорожила каждый шагъ Исмаела; изыскивая случай до него коснушься.

Долго ждала ехидная, долго искала.

Безпрерывное удивленіе не сродно шолпѣ, а пошому скоро она

склонила слухъ свой и къ невыгоднымъ мнѣніямъ, копорья носились на счешъ учености прославленнаго Исмаела. Его упрекали въ обманѣ; обвиняли въ шомъ, что лучшія шворенія, вышедшія въ свѣшъ подъ его именемъ, не были плодами собственнхъ шудовъ его, а найдены имъ въ спаринныхъ харшіяхъ и что нѣкопорья его мысли опзывались безбожіемъ.

Онъ вѣрилъ въ вѣчносшь машери, и общегласно былъ признанъ за Ашеисша, не смощря на шо, что всѣ его сочиненія начинались славословіемъ Аллаха и свяшаго его Пророка.

Несправедливосшь сія огорчила нашего мудреца и глубоко уязвила его сердце. Въ гнѣвѣ своемъ, на приспращшныя сужденія зави-

спниковъ. онъ желалъ опяшь пошущишь свѣспильникъ , копорый зажегъ для неблагодарнаго народа. Почпи совершенно упавъ духомъ, онъ опяшь уединился къ пуспынной своей рѣчькѣ, и предоспавиль пошомспву на исправленіе и оцѣнку шо, что современники не умѣли поняшь и испоршили.

Молодая дѣвушка въ Тейранѣ , копорая, хоця не чипала сочиненій Исмаела , но была шакъ добра, что не повшоряла о немъ злословія другихъ , понравилась нашему Философу, и вскорѣ сдѣлалась его женою.

Съ годами росло ихъ семейспво, а съ малюшками—счасшіе и радости.

Вдали ошъ свѣша жизнь его лилась спокойно и безмяшежно, на-

укамъ посвящаль онъ не больше времени и шруда, сколько нужно было для того, чшобъ поддержать душу на высокой, почкѣ пріобрѣ-
пенныхъ познаній, и для пріяш-
наго препровожденія времени въ
часы опдыха.

Дѣпи его мужали, онъ былъ ихъ
учишелемъ, и къ величайшему сво-
ему удивленію шущъ шолько за-
мѣшилъ , чшо онъ гораздо сча-
спливѣе и довольнѣе, чѣмъ на
расшочишельныхъ пирахъ Орму-
са , при блестящемъ диванѣ Ша-
ха, и на вершинѣ расположенія
народнаго.

Но вдругъ онъ занемогъ.

Испуганная жена и дѣпи собра-
лись около болящаго, исключая
шаршаго сына , кошорый былъ

въ городѣ. Предъ домою шепли-
лись похоронныя свѣчи, (11) и
проходящіе, ошпанавливаясь на-
божно, бормошали молишву за
упокоей души ошходящаго.

VII.

Qu'as tu fait de ta gloire?

Racine.

Куда дѣвалъ ты свою славу?

Въ это мгновеніе явились Тиръ-Абанъ и Мупалея.

Послѣдняя держала въ рукѣ Гулбадъ-Самуръ (12), цвѣшокъ, надымающій дыханіе умирающаго.

«Исмаель!» — говорила волшебница «ты принеси полжизни своей въ жертву славы. Часъ твой пробилъ, и ты войдешь во врата безсмертія.»

Вдругъ у изголовья Исмаелова ложа явились чепыре Ангела смерти: Монкирь, Накирь, Мордадъ и Эзраэль.

«О свящый Пророкъ!» восклицалъ философъ. «Мнѣль умереть? Умереть—въ по время, какъ счастье открыло мнѣ лучшую спорону жизни? Жена! дѣши! Я долженъ васъ оставишь! Сказашъ вамъ вѣчное: «проси!» Вознаградить ли вамъ слава моего имени поперю меня самага? осушишь ли мое безсмертіе ваши слезы? Ахъ! оспановись безжалостная!» кричалъ онъ Мушалеи, которая хошла под-

нёшь Гулбадь-Самуръ къ усшамъ его. « Оспановись! Одного изъ дѣшей моихъ недоспаешъ у смершнаго одра моего. Ужели я его не увижу предъ концемъ моей жизни? Повремени. . . . Завпра онъ придетъ. . . .

— Нышь опсрочки!—возразилъ Тиръ-Абанъ. Все кончено! Но, если хочешь, опкажись опъ послѣ—смершной славы своей! Опкажись опъ жизни въ вѣкахъ, — и жизнь земная продлишя шебъ на при дня, но не больше.

« На при дня! — завздыхалъ умирающій Исмаель; — великое, громкое имя, для кошораго я шакъ долго и бодро работалъ—за при корокіе дня жизни! Три дня—въ замѣнь сполѣшной попомшвенной славы! Но я не могу умереть, не обнявъ въ послѣдній разъ моего

первенца. Безчувственный, безсердечный Духъ мудроси, шы обмануль меня! обмануль шакже, какъ и Богиня счастья. Возьми назадъ дары свои. Пусть я умру въ безвѣшности,—но дай мнѣ еще шри дня жизни, — шри дня, чщобъ я могъ порадовашся на родную семью, налюбовашся луной и солнцемъ, и еще однажды прижашь возлюбленнаго сына къ груди моей!»

—Благородная душа! швои чувшва обезоруживаюшъ насъ,—подхвалиль Тиръ-Абанъ. Продолжай пушъ жизни швоей, иди безмяшежно и радуйся наукамъ и природѣ. Ты жершвовалъ богашшвомъ для духовныхъ наслажденій, и шеперь жершвуешь ими для шрехъ дней жизни. Живи ошъ нынѣ шолько для благополучія

своего семейства, и не думай болѣе о приобрѣщеніи въ будущихъ вѣкахъ славы, копорю ты не можешь насладиться.

—«Бышь по сему!» примолвила Египетская Фея. Но кому изъ насъ принадлежишь побѣда?»

— Обоимъ и никому! — возразилъ Тиръ-Абанъ. Науки и богатство равно полезны тому, кто знаетъ ихъ настоящую цѣну и употребленіе. Низкія спраши человека примѣшивающа къ его счастью, и оправляющъ наслажденія. Въ богатствѣ видишь онъ только средство къ удовлетворенію своихъ минувшихъ и часто безумныхъ прихостей. Онъ не спойшь мудрости и высокихъ познаній, попому, что употребляешь ихъ для насыщенія своего тщеславія. Примѣръ Ормусскаго рыбака ясно

доказаль намъ, чшѡ всякую славу
и богашство — превышаешъ....

« *Ясная душа.* » прервала Му-
шалея.

— *И добродѣтель!* заключилъ
Тиръ-Абанъ.

К О Н Е Ц Ъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ОРМУССКОМУ РЫБАКУ.

(1) *Кассида*—Поэма; рассказъ, заимствованный изъ народныхъ преданій; повѣсть, въ которой берутьъ участіе Персидскія божества.

(2) *Пастеки*—Персидскія дыни.

(3) *Кукарюза*.—Турецкое пшено; на югѣ Россіи: *погатки*.

(4) *Террада*.—Ладья, въ которой рыбаки плавають по взморью, и сохраняютъ свою ловлю.

(5) *Хилатъ*.—Верхняя одежда у Персовъ.

(6) *Маскари*.—Свободное, непринужденное общество, въ которомъ забывающся и смѣшивающся всѣ права чиновнаго положенія и лѣшья, споль свято наблюдаемыя въ Персіи. Отсюда произошло наше Европейское слово *Маскарадъ*.

(7) *Шашка*. — Дамаскинская сабля, загнутая въ полулуніе.

(8) *Такія*.—Персидскій Календарь.

(9) *Муктегетъ*.—Названіе челоуѣка, заслужившаго первенство во всѣхъ наукахъ. Одинъ только голосъ народа имѣеть право назначать эпо пипло: оно такъ высоко цѣнится Персами, что въ цѣлое спольшіе едва ли найдется одинъ или два челоуѣка, копорыхъ удоспоятъ именемъ Муктегеша.

(10) Двумя первыми учителями почитаютъ Персы Аристопеля и Алфарави.

(11) Когда Персіанинъ лежитъ въ послѣдней борьбѣ жизни съ смертію, то передъ домомъ его зажигають свѣчи, для того, чтобъ проходящіе молились о душѣ его.

(12) *Гульбадѣ Салурѣ*.—Цвѣшокъ смерти, имѣющій силу наипыивать дыханіе умирающаго язвою. Аравіянѣ называютъ его: Ауркъ. Томасъ Муръ упоминаетъ объ немъ въ поэмѣ своей *Лалларукъ*, подъ именемъ *Kerzereth*.

Переводъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ :

I.	Предисловіе.....	—
II.	Маскерадъ , (сюжетъ Драмы) Александра Дюма.....	1
III.	Адвокатъ, (кое-что для Воде- виля) Гуспава Альбита.....	33
IV.	Убийственная предосторож- ность. Разсказъ Павла Фуже.	87
V.	Аукціонъ , Американская по- вѣспь.....	117
VI.	Свадебный балъ. Разсказъ Эми- ля Дешана.....	151
VII.	Ормусскій рыбакъ. Персидская Кассида—соч. Беллуно.....	199
